

ПОСЛЕДНИЙ ПАССАЖИР

00:00

ВЛАД ВЕЛИРСКИЙ

Влад Велирский

Последний пассажир

«Автор»

2026

Велирский В.

Последний пассажир / В. Велирский — «Автор», 2026

Перед закрытием старого терминала бывшая вокзальная диктор Вера Стрельцова слышит собственный голос в объявлении несуществующего рейса. Бумажный билет подтверждает: у третьей колонны был пассажир, которого нет ни в одной базе, а кто-то методично стирает его маршрут. Вера и трое её бывших коллег сопоставляют то, что цифровая система не умеет помнить: рисунок компостерного прокола, погрешность часов, вес двух грузов, эхо под сводом и след служебной тележки. Поиск приводит их к старой аварии, исчезнувшему листу схемы и человеку, который имеет право не возвращать прежнее имя. «Последний пассажир» — современный детектив о профессиональной памяти, цене удобной правды и границе между сохранением свидетельства и присвоением чужой жизни.

© Велирский В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Последнее объявление	6
Глава 2. Прокол в левом углу	12
Глава 3. Человек у третьей колонны	17
Глава 4. Семнадцать килограммов	23
Глава 5. Минута, которой нет	29
Глава 6. Служебная дверь	36
Глава 7. Имя на обороте	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Влад Велирский

Последний пассажир

От автора

Вокзал кажется местом, где забыть человека невозможно. У каждого есть билет, место, время отправления, запись на камере, строка в списке. Даже опоздание получает точное название и минуту. Но любой порядок состоит не только из таблиц. Его поддерживают люди, которые слышат неверную паузу в объявлении, узнают след старого колеса, помнят вес пустого чемодана и замечают, что привычная дверь сегодня закрылась иначе.

Эта история началась с вопроса: что останется от человека, если все официальные записи о нём исчезнут? Детективный ответ требует улики. Человеческий — свидетелей. Между ними есть важная разница. Улика помогает установить событие, но не даёт права присвоить чужую жизнь. Свидетель может сохранить правду и всё же не раскрыть то, что ему не принадлежит.

Герои книги много лет работали на одном вокзале. Их профессии менялись, сокращались или становились незаметными за новыми системами. Однако опыт не превращает их в волшебников и не избавляет от ошибок. Каждый умеет видеть только часть маршрута. Чтобы понять целое, им придётся не просто сложить наблюдения, но и признать пределы собственной уверенности.

«Последний пассажир» — вымышленная история. Бережск, Северный вокзал, рейсы, организации и обстоятельства дела придуманы. Профессиональные детали здесь служат загадке и характерам, а не описывают конкретную действующую станцию.

Мне хотелось написать о возрасте без снисхождения. О памяти — без преклонения перед прошлым. О точности — без уверенности, что точный человек всегда прав. И о том, что иногда самое ответственное объявление состоит не в том, чтобы назвать чужое имя погромче, а в том, чтобы оставить микрофон тому, кому это имя принадлежит.

Влад Велирский

Глава 1. Последнее объявление

Вера Стрельцова пришла на Северный вокзал за двадцать минут до назначенного времени и сразу услышала, что здание лжёт.

Над главным входом по-прежнему горели слова «Добро пожаловать», хотя половину дверей уже стянули красно-белой лентой. За стеклом касс висели объявления о переводе рейсов в новый терминал, и каждое начиналось с вежливого «Уважаемые пассажиры». Пассажиров в старом зале почти не осталось. Двое рабочих снимали со стены латунные буквы, женщина в сером пальто ждала автобус у третьей колонны, а молодой охранник водил пальцем по телефону и не поднимал головы.

Вера остановилась под табло. Оно показывало три отправления, все дневные, хотя стрелки больших часов уже приближались к семи вечера. В нижней строке бежало сообщение о закрытии терминала через девять дней.

Не ложь, поправила она себя. Канцелярская инерция. Самый живучий вид неправды.

— Вы на экскурсию? — спросил охранник, заметив её у лестницы.

— На испытание архива. Стрельцова Вера Павловна.

Он посмотрел в список на экране, потом на неё, словно ожидал увидеть рядом с фамилией фотографию тридцатилетней давности.

— Четвёртый этаж. Лифт пока работает.

— «Пока» — полезное уточнение.

Охранник не понял, шутит она или жалуется, и на всякий случай улыбнулся.

Вера пошла к лифту медленно, не из-за одышки — её пока не было, — а потому что старый зал требовал времени. Она знала его не по виду. Вид менялся: краску освежали, скамьи переставляли, киоски обрастали новыми вывесками. Настоящий вокзал жил в звуках. Под куполом любой шаг возвращался с задержкой. Дверь камеры хранения хлопала нотой ниже, чем дверь дежурной комнаты. По скрежету тележки можно было узнать не только номер, но и груз: пустая дребезжала, нагруженная ворчала.

Теперь зал звучал неправильно. Слишком просторно. Слишком много голых стен и слишком мало голосов.

В лифте вместо кнопки четвёртого этажа зияло отверстие. Вера нажала третий и поднялась пешком по служебной лестнице. На площадке её встретила бумажная стрелка «АРХИВНЫЙ ТЕСТ» и молодой человек с пластиковым стаканом кофе.

— Вера Павловна? Кирилл Молчанов, подрядчик. Спасибо, что согласились.

Кирилл говорил быстро, будто заранее опаздывал к следующей фразе. На шее у него висел пропуск с фотографией, где он выглядел ещё моложе.

— Я не соглашалась, — сказала Вера. — Меня попросили прийти и обещали оплатить два часа консультации. Это пока только явка.

Кирилл на секунду замолчал, затем рассмеялся. Правильно: услышал поправку.

— Тогда постараемся заслужить согласие. Мы переносим звуковой архив в музейный фонд. Объявления, сигналы, служебные записи. Нужен человек, который отличит настоящее от учебного и подпишет описания.

— А если настоящее подписано как учебное?

— Для этого вы здесь.

Бывшая дикторская стала похожа на склад после поспешного переезда. Два стола уже вынесли. На полу стояли коробки с катушками, кассетами и дисками. Старый пульт, за которым Вера провела двадцать семь лет, накрыли прозрачной плёнкой. Под ней темнела кнопка микрофона, затёртая ровно там, куда ложилась подушечка указательного пальца.

У окна работали двое. Девушка в больших наушниках записывала номера файлов, мужчина постарше раскручивал винты на корпусе магнитофона. Никто не представился. Кирилл подвёл Веру к ноутбуку.

— Здесь первая выборка. Система сама распознала даты, голоса и текст. Вы слушаете, отмечаете ошибки. Особенно важны нестандартные записи: ручные объявления, аварийные сообщения, всё исторически интересное.

На экране была таблица из сотен строк. В столбце «диктор» чаще других повторялось: В. Стрельцова. Алгоритм оценивал уверенность в процентах. Напротив некоторых записей стояло девяносто восемь, напротив других — пятьдесят один.

— А кто решил, что голос мой? — спросила Вера.

— Модель сравнила с эталоном.

— С каким?

Кирилл открыл папку. Эталоном оказалось объявление о прибытии поезда из Лесогорска, записанное лет пятнадцать назад. Вера помнила тот день: в дикторской протекла батарея, и под столом стоял эмалированный таз. Перед словом «Лесогорск» она каждый раз слышала падение капли.

— Это не эталон, — сказала она. — Это один мой голос в один сырой вторник.

— Для программы достаточно.

— Программе — возможно. Архиву нет.

Она надела наушники.

Первые записи были простыми. Прибытие, отправление, изменение пути, просьба не оставлять вещи без присмотра. Вера отмечала неточные даты. В две тысячи тринадцатом она произносила «поезд следует», а позже служба перешла на «поезд проследует». В зимних объявлениях гласные становились короче: помещение плохо отапливалось, дикторы сэкономили дыхание. Один файл система отнесла к Вере, хотя говорил дежурный Сафронов, подражавший ей ради спора на коробку конфет.

— Откуда вы знаете? — удивился Кирилл.

— Он говорит «платформа» через улыбку. Я никогда не улыбалась на слове «платформа».

— Почему?

— Потому что там скользко.

После часа Кирилл принёс ей чай в бумажном стакане. Вера поставила его подальше от клавиатуры. За окном густел синий вечер, и старые пути казались нарисованными на стекле. На дальней платформе рабочие гасили фонари один за другим.

В таблице оставалось двенадцать файлов без даты. Они лежали в папке «НЕРАСПОЗНАННОЕ» и имели технические имена. Кирилл предупредил, что там, скорее всего, шумы или обрывки проверки связи.

Первый файл содержал кашель и стук по микрофону. Во втором кто-то считал до десяти. В третьем играла музыка из закрытого когда-то буфета. Вера слушала по пятнадцать секунд и переходила дальше.

На седьмой записи она убрала палец с мыши.

Сначала прозвучал короткий щелчок. Затем тишина — не пустая, а вокзальная, с далёким гулом под сводом. Потом заговорила она сама:

— Внимание. Объявляется посадка на ночной рейс семьсот сорок два. Пассажиру Верескову проследовать к выходу у третьей колонны. Повторяю: ночной рейс семьсот сорок два. Отправление в ноль часов семнадцать минут.

Запись закончилась тем же щелчком.

Вера сняла наушники. В комнате мужчина у магнитофона тихо выругался: винт упал на пол. Девушка продолжала печатать. Кирилл разговаривал по телефону у двери.

За стеклом дикторской лежал почти пустой зал. Третья колонна была видна отсюда целиком. Женщина в сером пальто исчезла. Возле колонны стояла только жёлтая тележка рабочих.

Вера снова включила запись.

Голос принадлежал ей. Не был похож на её голос — принадлежал. Она узнала мягкий нажим на «внимание», привычку оставлять половину вдоха перед номером, почти незаметное смягчение согласной в слове «отправление». Человек слышит себя снаружи хуже других, но профессиональный диктор годами учится быть собственным строгим свидетелем.

И всё же такого объявления она не делала.

Рейсов с номерами семьсот сорок два на Северном вокзале не было. Ночные отправления шли с путей нового терминала ещё до её увольнения. Формула «пассажиру проследовать» допускалась для персонального вызова, но фамилию следовало повторить дважды. Выход у третьей колонны никогда не служил местом посадки. Там не было двери — только старый стенд со схемой города.

Она посмотрела на свойства файла. Создан три дня назад в 00:18. Изменён сегодня в 16:42. Источник: «архивручные2010_2018».

— Кирилл.

Он поднял палец, заканчивая разговор.

— Секунду, Вера Павловна.

— Эта секунда уже лишняя.

Он увидел её лицо и убрал телефон.

Вера дала ему наушники. Кирилл прослушал запись, нахмурился и открыл служебное окно программы.

— Забавно. Наверное, демонстрационный монтаж.

— Кому он что демонстрирует?

— Тест синтеза. Мы пробовали собирать фразы из архивных фрагментов. Но это не наш формат файла.

Он щёлкнул по нескольким вкладкам.

— Может, прежний подрядчик оставил. Сейчас посмотрим журнал.

— Сначала сделайте копию.

— В системе всё резервируется автоматически.

— Сделайте отдельную копию исходного файла.

Кирилл вздохнул без раздражения, скорее с терпением человека, которому мешают идти привычной короткой дорогой.

— Вера Павловна, это тестовый сервер. Здесь нет ничего уникального. Даже если файл удалят, останется контрольная версия.

— Где?

— В хранилище.

— У кого доступ?

— У администратора, у нас, у заказчика.

— Значит, это не ответ «где». Это ответ «у кого».

Кирилл вернул ей наушники и сел рядом. В журнале напротив файла не было имени загрузившего пользователя. Только время и код задания: МИГРАЦИЯ-4. Проверка контрольной суммы показывала несовпадение между текущей версией и той, что значилась при первоначальном импорте.

— Вот, — сказал он. — Повреждение при переносе. Программа склеила куски.

— Программа сама выбрала фамилию Вересков и номер рейса?

— Могли быть фрагменты других записей.

— Найдите их.

Кирилл запустил поиск по распознанному тексту. Фамилии Вересков в архиве не оказались. Рейса семьсот сорок два — тоже. Отдельно нашлись сотни слов «ночной», «колонна» и «семнадцать», но ни одной совпадающей последовательности.

— Распознавание ошибается, — сказал Кирилл уже тише.

— Уши пока тоже, но реже.

Вера прослушала запись в третий раз. Теперь не смысл, только пространство между словами. Голос был её, однако дыхание вело себя странно. После номера рейса шёл слишком чистый стык, словно нож разрезал не плёнку, а вдох. Фраза о Верескове звучала чуть ближе. Последние слова возвращались слабым эхом.

Ей вспомнился вечер за неделю до увольнения. Антон Лавров, тогда ещё заместитель начальника, попросил начитать «на будущее» набор отдельных слов: цифры, названия выходов, служебные формулы. Планировали автоматические объявления, и Вера провела перед микрофоном два часа, произнося бессмысленные кусочки. Она не помнила фамилии Вересков. Но голос можно было собрать без неё.

— Когда тестовый сервер очищают? — спросила она.

— Сегодня после восьми. Завтра оборудование снимают.

На больших часах в зале было без четырёх минут восемь.

Кирилл выпрямился.

— Ладно. Экспортирую исходник и журнал. Только на служебный накопитель, по правилам.

Он вставил в ноутбук синюю флешку с номерной наклейкой. Полоса копирования дошла до девяноста процентов и остановилась. Внизу экрана появилось сообщение: «Объект не существует».

Строка в таблице побледнела, затем исчезла.

— Что вы сделали? — спросила Вера.

— Ничего.

Кирилл обновил папку. Седьмого файла больше не было. В журнале миграции осталась пустая строка между шестым и восьмым объектами. Он проверил корзину, временные каталоги, список действий пользователей.

— Началась регламентная очистка, — сказал он. — Я же говорил, в восемь.

— Сейчас без двух.

— Серверное время может отличаться.

Вера посмотрела на часы ноутбука: 19:58. На телефоне было столько же. Главные часы в зале показывали 19:57.

— Копия успела записаться?

На флешке лежал файл размером двадцать четыре килобайта. Кирилл попытался открыть его. Проигрыватель показал длительность ноль секунд.

— Заголовок есть, данных нет.

— Журнал?

— Экспортируется отдельно. Я не успел.

Он говорил виновато, хотя вины Вера ему ещё не назначала. Её раздражало другое: всё произошло слишком аккуратно. Файл не испортился, не переместился, не получил отметку удаления. Он перестал существовать в тот момент, когда его попробовали сохранить.

— Вы слышали запись целиком, — сказала она.

— Да.

— Текст помните?

— Примерно.

— Запишите сейчас. Дословно, как помните. Отдельно отметьте, в чём не уверены.

Кирилл открыл блокнот.

— Вы собираетесь жаловаться заказчику?

— Я собираюсь не позволить нашей памяти стать удобнее факта.

Она достала из сумки маленький ежедневник. Вера носила его не из любви к бумаге, а потому что телефон однажды обновился посреди похорон и потребовал новый пароль. На чистой странице она написала дату, время, название папки, техническое имя файла. Затем восстановила объявление слово в слово. После текста добавила: «Прослушано трижды. Кирилл Молчанов — один раз полностью, второй раз до исчезновения файла не начинал». Подумала и зачеркнула последнее: она не могла знать, что он собирался делать. Написала точнее: «К. М. подтвердил, что слышал запись целиком».

Кирилл показал свой вариант. Вместо «пассажиру Верескову» у него стояло «пассажиру Вересков». Он не помнил, было ли слово «ночной» во втором повторе. Вера не стала исправлять. Они поставили время под обеими записями.

— Теперь позвоните администратору, — сказала она.

— Уже поздно. Он трубку не возьмёт.

— Тогда напишите. Так останется время отправки.

Кирилл отправил служебное сообщение и приложил пустой файл. Через минуту пришёл автоматический ответ: заявка зарегистрирована. Номер инцидента отразился на экране.

В коридоре погас верхний свет. Девушка сняла наушники и сообщила, что охрана просит всех выйти: часть этажа обесточивают. Мужчина уже складывал инструменты.

Кирилл закрыл ноутбук.

— Завтра восстановим из резерва. Скорее всего, обычная ошибка миграции.

— Скорее всего, — согласилась Вера. — Это не то же самое, что «обычная».

Они спустились по лестнице. Внизу рабочие тянули кабель через зал. Большое табло погасло, и на секунду Северный вокзал стал похож на собственную фотографию: купол, колонны, неподвижные скамьи. Потом включилось аварийное освещение.

У третьей колонны Вера остановилась.

На мраморе оставался тёмный прямоугольник от снятой схемы города. Никакого выхода рядом не было. Только узкая служебная дверь в двадцати шагах, выкрашенная под цвет стены. Вера помнила её закрытой на протяжении многих лет. Сейчас ручка блестела, словно к ней недавно прикасались.

— Через эту дверь можно попасть к путям? — спросил Кирилл, проследив за её взглядом.

— Раньше можно было попасть в коридор доставки. Потом его перегородили.

— Когда?

— Если бы я помнила всё, архиву не понадобилась бы система.

Она подошла ближе, но дверь не тронула. На серой краске у пола тянулась свежая чёрная полоска, похожая на след резинового колеса. Таких следов в здании было тысячи. Этот ничего не доказывал.

Именно поэтому его следовало запомнить.

На улице шёл мелкий снег с дождём. Кирилл предложил вызвать ей машину, но Вера отказалась и села под навесом на остановке. Автобус ожидался через девять минут. Этого хватало, чтобы сделать три дела.

Сначала она сфотографировала обе письменные записи и номер инцидента на экране телефона Кирилла. Потом отправила снимки на собственную почту с темой «Архив, исходная запись удалена при копировании». Наконец позвонила человеку, который не любил вечерних звонков и потому всегда отвечал на них сразу.

— Семён Аркадьевич, — сказала Вера, когда в трубке раздалось недовольное «да». — Ты завтра занят?

— До обеда или вообще?

— До закрытия Северного вокзала.

— Вообще, значит. А что случилось?

Вера посмотрела через мокрое стекло на пустеющий терминал. Над входом всё ещё горело «Добро пожаловать».

— Я услышала объявление своим голосом, которого никогда не делала. В нём вызвали пассажира на рейс, которого никогда не было.

Семён помолчал.

— И ты решила, что это моя область?

— Нет. Я решила, что мне нужен человек, который умеет отличать билет от обещания проезда.

— Билет есть?

— Пока нет.

— Тогда с чего начнём?

Вера ещё раз посмотрела на третью колонну. У служебной двери прошёл охранник, заслонил её на мгновение и двинулся дальше.

— С того, что не дадим исчезнуть второму доказательству.

Глава 2. Прокол в левом углу

Семён Аркадьевич пришёл с фонариком, лупой и пакетом домашних бутербродов. Именно в таком порядке он выложил вещи на скамью у третьей колонны, после чего снял кепку и спросил:

— Где билет?

— Я говорила, что билета пока нет.

— Поэтому и спрашиваю. Вдруг за ночь появился.

Было половина девятого утра. Старый терминал открыли для последних трёх пригородных касс, но пассажиры проходили насквозь к автобусной площадке. Рабочие уже сняли надпись «Добро пожаловать». На фасаде остались светлые прямоугольники, и здание выглядело так, будто ему выбили ровные передние зубы.

Вера показала Семёну фотографии записей и пересказала события, стараясь не украшать последовательность. Он дважды остановил её: уточнил, видела ли она полосу у двери до прослушивания файла и проверяла ли время на телефоне по независимому источнику.

— Не проверяла. Телефон и ноутбук могли брать время из одной сети.

— Хорошо.

— Что хорошего?

— Что ты отвечаешь «не проверяла», а не «время было точное». Значит, есть надежда.

За двадцать лет работы контролёром Семён приобрёл манеру говорить неприятное спокойно, будто объявлял номер вагона. Ему исполнилось семьдесят один, но возраст выдавали не движения, а предусмотрительность: он никогда не наклонялся, не выбрав заранее, за что возьмётся при подъёме.

Они начали с колонны. Вера встала там, где накануне видела женщину в сером пальто. Семён измерил шагами расстояние до служебной двери, до ближайшего выхода и до бывшего стенда со схемой города.

— «Выход у третьей колонны» мог означать эту дверь, — сказала Вера.

— Мог. А мог означать главный вход, если человек стоял с другой стороны. Или место встречи. Объявление не чертёж.

— Ты всегда был таким полезным?

— Только когда меня кормили.

Он указал на пакет с бутербродами, но вскрывать его не стал.

Служебная дверь оказалась заперта. Свежая чёрная полоса у пола сохранилась, рядом добавились ещё две. Семён присел, посветил фонариком вдоль мрамора и провёл над следом пальцем, не касаясь.

— Резина. Тележка или чемодан. Свежесть ты определила потому, что полоса блестела?

— Да.

— А уборка здесь когда была?

Вера не знала.

— Тогда у нас есть полоса неизвестного возраста. Запиши, пока она не превратилась в таинственный след ночной тележки.

В ежедневнике появилась новая строка. Семён одобритительно кивнул.

У бывшего стенда ничего не нашлось, кроме двух шурупов, комка серой пыли и фантика. Семён осмотрел стыки плит, пространство под скамьями, щель между колонной и металлическим плинтусом. Вера чувствовала себя лишней. Она смотрела на людей и пыталась представить, кто из них мог услышать ночное объявление. Но запись могла никогда не звучать в зале. Пока она существовала только в архиве.

— Что именно мы ищем? — спросила она.

— Ты позвала человека, который отличает билет от обещания проезда. Значит, билет.

— Это была фигура речи.

— Фигуры речи плохо сохраняются под скамьями.

Он перешёл к урне возле колонны. Внутри лежал новый пакет, почти пустой. Семён не стал в него заглядывать и подозвал уборщицу, катившую синюю тележку.

— Лариса Михайловна, утренний мусор отсюда уже убирали?

Женщина остановилась. Вера узнала её не сразу: за годы Лариса подстриглась и перестала красить волосы в чёрный цвет. Она узнала обоих.

— Так вот кого пускают без пропуска, — сказала она. — Пенсионный десант.

— Мы консультанты, — ответил Семён.

— Тогда урна консультировалась в семь десять. Пакет в подсобке, если не увезли.

— Нам нужен бумажный билет.

Лариса посмотрела на Веру.

— Наконец-то решили уехать отсюда вовремя?

— Один пассажир, возможно, уже уехал, — сказала Вера. — Мы пока не знаем куда.

Лариса не стала спрашивать. Она поставила тележку поперёк прохода, сняла перчатку и набрала номер. Разговор занял полминуты.

— Пресс сегодня не включали. Идите за мной. Только руками ничего не хватайте.

Подсобное помещение находилось за кассами. Там пахло мокрым картоном и апельсиновой кожурой. У стены стояли шесть одинаковых чёрных мешков.

— Этот из центрального зала, — сказала Лариса, указав на второй. — Но урн там пять. Пакеты собирали в один.

Семён надел тонкие перчатки, которые достал из кармана. Вера ничего не сказала. Конечно, он принёс перчатки. Человек, носивший бутерброды отдельно от лупы, не мог прийти на поиски без перчаток.

Лариса разрезала мешок сбоку и стала перекладывать содержимое на раскрытый полиэтилен. Стаканы, чеки, упаковки, рекламные листки. Вера подавляла желание торопить её. Любая спешка здесь означала бы только больше грязи.

Билет выпал вместе с бумажной салфеткой.

Он был небольшим, бледно-жёлтым, с оборванным правым краем. Печатный текст почти стёрся. Семён поймал его за угол прежде, чем тот коснулся влажного пола, и замер.

— Не наш? — спросила Вера.

— Пока ничей.

Он положил билет на чистый прозрачный пакет. На лицевой стороне различались слова «Северный» и «одна поездка». Дата была смазана. В левом верхнем углу темнели четыре отверстия: три образовывали неровный треугольник, четвёртое стояло отдельно, чуть ниже.

Семён достал лупу.

— Помнишь старые ручные компостеры? — спросил он.

— Я помню звук.

— Звук у всех одинаковый, когда пальцы целы.

Он наклонил билет к свету.

— А рисунок разный. На каждом щипце стояла своя матрица. Номер контролёра, бригады или участка можно было восстановить по расположению игл.

— Этот наш?

— Этот старый.

— Насколько?

— Такие щипцы сняли после перехода на термопечать. Лет двенадцать назад.

— Ты уверен?

— Я уверен, что рисунок похож на матрицу старой серии. Всё остальное нужно проверять.

Он показал Вере отверстия. Края трёх были мягко вдавлены внутрь, четвёртого — приподняты.

— Пробивали с лицевой стороны. Но одиночная игла погнута или матрица перекошена. Видишь разрыв волокон? Наши щипцы так метили билет на Южном контроле. Кажется, комплект номер четырнадцать.

— «Кажется» запишем крупно.

— Учишься.

Лариса наблюдала за ними, скрестив руки.

— Этот билет ночью выбросили? — спросила Вера.

— Я не говорила. Он был в утреннем мешке. Туда мог попасть вчера, позавчера, хоть неделю назад, если застрял между пакетом и урной.

— Урны каждый день моют, — заметил Семён.

— Эту не мыли три дня. Воду на половине этажа перекрыли.

Семён посмотрел на Веру с выражением «запиши и это».

Они сфотографировали билет на пакете с обеих сторон, рядом положили линейку и листок с датой. Затем Семён попросил Ларису найти бумажный конверт. Пластик мог удерживать влагу и испортить волокна. Лариса принесла старый конверт для служебной корреспонденции и потребовала расписку.

— Вокзал закрывают, а ответственность почему-то оставляют, — пояснила она.

На обороте билета Вера заметила синюю дугу, похожую на начало буквы. Семён не позволил тереть бумагу или подсвечивать телефоном вплотную.

— Дома под косым светом посмотрим. Здесь сначала установим происхождение бланка.

— Если бланк действительно старый, его могли хранить двенадцать лет.

— Могли.

— Или пробить сейчас старыми щипцами.

— Если щипцы сохранились.

— Или проколоть иглой по известному рисунку.

Семён улыбнулся.

— Вот теперь ты рассуждаешь как человек, которому нельзя давать красивую улику без инструкции.

Они вернулись в зал и сели на скамью. Между ними лежал запечатанный конверт. Семён наконец раздал бутерброды. Хлеб был нарезан слишком толсто, сыр — слишком тонко.

— Допустим, рисунок настоящий, — сказала Вера. — Что билет доказывает?

— Что какой-то инструмент сделал четыре отверстия в бумаге.

— И всё?

— Если подтвердим бланк — что бумага изготовлена для старой билетной системы. Если подтвердим матрицу — что использовали конкретный тип компостера. Если найдём комплект — возможно, конкретные щипцы. Время прокола по дыркам не узнаешь. Личность пассажира тоже. Поездку — тем более.

— Но билет нашли у третьей колонны после объявления.

— После того, как ты услышала файл. Это не значит, что его выбросили после объявления. И само объявление могло не звучать здесь.

Вера откусила бутерброд. Семён был прав с такой последовательностью, что становился невыносим.

— Зачем тогда ты радуешься?

— Потому что у нас появилась вещь, которая не исчезает по команде администратора.

Он забрал у неё пустую салфетку и аккуратно сложил вместе со своей.

— И потому что комплект номер четырнадцать потеряли ещё до списания. Я составлял акт.

— Потеряли где?

— На Северном. Контролёр сдал футляр, а щипцов внутри не было. Решили, что их уронили в служебной электричке или забрали на память. Цена была копеечная, шума не подняли.

— Кто сдавал?

Семён посмотрел на конверт.

— Не помню. И придумывать не буду. Акты должны были передать в хозяйственный архив.

— Который сейчас перевозят в музейный склад?

— Если не выбросили как макулатуру.

Рядом остановился рабочий с шуруповёртом и попросил их пересест: скамью собирались демонтировать. Семён поднялся, придерживаясь за край сиденья. В этот момент из-под металлической ножки выскользнул белый прямоугольник.

Вера первой подумала о втором билете. Но это оказалась бирка камеры хранения с напечатанной цифрой 17.

Рабочий поднял её и бросил в ящик с мелочами.

— Стойте, — сказал Семён.

— Теперь что?

— Эта бирка была под ножкой или приклеена к ней?

Рабочий пожал плечами.

— Лежала. Я откуда знаю.

Семён не стал требовать бирку. Только посмотрел, в какой ящик она попала.

— Ты же говорил, красивые улики опасны, — напомнила Вера.

— Поэтому эту пока не берём. У нас и с одной забот достаточно.

В служебном архиве им не обрадовались. Помещение уже опечатали для передачи подрядчику, а ответственная сотрудница должна была прийти только после обеда. Семён записал номер телефона на объявлении и позвонил. Пока он объяснял про акт списания, Вера заметила камеру под потолком. Объектив смотрел не на архивную дверь, а вдоль коридора к лестнице.

— Камеры в центральном зале ещё работают? — спросила она у охранника.

— Какие не сняли, работают.

— Запись за последние трое суток хранится?

— Это к начальству.

— К Лаврову?

— Антон Сергеевич отвечает за закрытие. Но он сегодня на новом терминале.

Фамилия вернула Веру к архиву отдельных слов. Именно Лавров когда-то организовал запись для автоматической системы. Совпадение ничего не означало: он отвечал почти за всё, что происходило на вокзале последние годы.

Семён закончил разговор.

— В архив пустят в два часа. Акты списания за нужный год, возможно, уже в коробках музея.

— До двух проверим камеры.

— Нам запись не дадут.

— Тогда добьёмся, чтобы её не удалили.

Вера нашла на сайте вокзала общую почту и составила заявление о сохранении данных. Она не упоминала исчезнувшего пассажира и не называла запись подлинной. Указала точный промежуток, место и основание: обнаружение предмета, возможно связанного с инцидентом миграции архива. Семён перечитал текст и заменил «доказывающего» на «относящегося».

Ответ пришёл быстро: обращение принято, срок рассмотрения — тридцать дней.

— Через тридцать дней здесь будет парковка, — сказала Вера.

— Зато у нас будет своевременный ответ.

Лариса догнала их у выхода. В руке она держала прозрачную папку.

— Вы про ночного пассажира спрашивали, — сказала она негромко. — Я, может, видела человека. Не сегодня. В ночь перед вчерашним дежурством.

Вера почувствовала, как готовая версия сразу потянулась к словам Ларисы: третья колонна, билет, чемодан, служебная дверь. Она заставила себя не помогать рассказу.

— Где вы находились? — спросила она.

— В зале.

— Расскажите с момента, который помните первым. Не то, что кажется важным сейчас.

Лариса нахмурилась, собираясь с мыслями.

— Сначала сломалась поломоечная машина. Потом я увидела человека у третьей колонны. Мужчина, кажется. Стоял с чемоданом. Или сумкой на колёсах. Я ещё подумала: чего он ждёт, рейсов отсюда ночью нет.

— Лицо видели?

— Нет. Он отвернулся, когда я подошла.

— Куда ушёл?

— Не видела. Машина потекла, я побежала за ведром. Вернулась — пусто.

— Объявление слышали?

Лариса покачала головой.

— В ту ночь в зале вообще было тихо.

Она протянула папку. Внутри лежала копия утреннего листа уборки. Напротив центрального зала стояло время 07:10 и подпись Ларисы.

— Чтобы потом никто не сказал, будто билет нашли неизвестно когда, — пояснила она.

Семён убрал копию отдельно от конверта.

— А поломоечная машина где?

— В ремонте. Колесо заклинило.

— Какое?

— Правое заднее. А что?

Семён посмотрел на свежие полосы у служебной двери, видимые через зал.

— Пока ничего. Но след теперь можно сравнить хотя бы с одним колесом.

На улице он остановился под снятой вывеской и снова достал конверт. Не открывал, только провёл пальцем по надписи «служебная корреспонденция».

— Билет — не доказательство поездки, — сказал он. — Зато это вопрос, который кто-то изготовил заранее. Старый бланк, старый рисунок, место рядом с вызовом. Слишком много работы для случайного мусора.

— Или слишком удачная находка для нас.

— Именно. Поэтому сначала акт о потерянных щипцах. Потом происхождение бланка. И только потом фамилия на обороте, если там вообще фамилия.

Вера записала порядок. Рядом поставила время: 09:46. Главные часы за стеклом показывали 09:45.

Разница в одну минуту сохранилась.

Глава 3. Человек у третьей колонны

Лариса согласилась повторить рассказ только после смены.

— У меня до одиннадцати санитарная зона, — сказала она. — Если я брошу тележку ради вашего пассажира, начальство первым делом найдёт меня, а не его.

Вера предложила десять сорок у комнаты отдыха. Лариса подумала и поправила:

— В десять сорок семь. В сорок у меня обход туалетов.

Точность ей шла. Она не делала воспоминание точнее, зато показывала, где Лариса привыкла доверять часам, а где — себе.

До встречи оставалось чуть больше получаса. Семён ушёл звонить в хозяйственный архив насчёт потерянных шипцов, а Вера вернулась в центральный зал. Демонтаж двигался от окон к кассам. Рабочие снимали со стен металлические таблички, и под каждой оставался прямоугольник прежнего цвета — маленькое доказательство того, что стена старела неравномерно.

Третью колонну уже обнесли лентой. Белую бирку с цифрой 17 Вера нашла в ящике рабочего, среди шурупов, пластиковых заглушек и двух монет. Она не стала её трогать. Сфотографировала ящик целиком, записала время и имя бригадира с пропуска. Если бирка относилась к камере хранения, её место под ножкой скамьи было утрачено в ту секунду, когда рабочий бросил её к крепежу. Теперь нельзя было честно восстановить даже то, какой стороной она лежала.

Над проходом висела камера в сером полукруглом кожухе. По положению объектива казалось, что она видит колонну. Вера отошла к кассам, потом к дверям, проверяя углы. Почти отовсюду третья колонна заслоняла кусок пола за собой. Человек мог стоять там, не исчезая и не прячась, — просто занимая место, которое камера считала колонной.

Она сделала четыре снимка с разных точек.

— Уже строишь оправдание свидетелю? — спросил вернувшийся Семён.

— Проверяю, что значит «камера смотрит на колонну».

— Обычно это значит, что начальник безопасности смотрит на схему камер.

С хозяйственным архивом он договорился: в два их пустят к описям, но не к самим коробкам без сотрудника музея. Имени контролёра в телефонном разговоре не нашли.

— Зато подтвердили год, — сказал Семён. — Комплект четырнадцать пропал в две тысячи тринадцатом. Акт был. Значит, я хотя бы не присочинил его за бутербродом.

В комнате отдыха пахло растворимым кофе и нагретой пластмассой. Лариса пришла в десять сорок шесть, сняла рабочий халат и повесила его спинкой наружу, чтобы грязная ткань не касалась стены. Семён остался за дверью. Вера попросила его об этом заранее: два знакомых лица напротив могли превратить воспоминание в экзамен.

На стол она положила чистые листы, ручку и телефон экраном вниз.

— Я запишу разговор на диктофон, если вы не против. Не потому, что вам не верю. Чтобы потом не заменить ваши слова своими.

— А куда запись пойдёт?

— Пока только мне и Семёну. Если понадобится передать охране или полиции, сначала скажу вам.

— Полиции из-за человека, который постоял у колонны?

— Пока нет основания. Поэтому и отделяем то, что вы видели, от того, что мы успели подумать.

Лариса посмотрела на телефон.

— Включайте.

Вера назвала дату, время, место и присутствующих. Затем попросила Ларису начать с последнего события, которое она уверенно помнила до появления человека.

— Машина дёрнулась, — сказала Лариса. — Поломоечная. Я шла от касс к выходу, она потянула вправо и заскребла. Я остановилась у второй колонны.

— Что было дальше?

— Нажала аварийную кнопку. Потом увидела его.

— Расскажите всё, что помните о человеке, в любом порядке.

Лариса закрыла глаза, но сразу открыла.

— Так хуже. Начинаю картинки придумывать. Стоял за третьей колонной, ближе к бывшему табло. Тёмная куртка. На полу возле ноги — что-то с ручкой.

— Вы вчера сказали: чемодан или сумка на колёсах.

— Значит, вчера помнила лучше.

Вера поставила короткую черту на полях, но не стала возвращать Ларисе её прежнюю уверенность.

— Что позволило решить, что это мужчина?

— Рост. Плечи. Куртка мужская.

— Лицо?

— Нет.

— Голос?

— Не слышала.

— Вы могли ошибиться?

— Конечно. Сейчас и женщины такие куртки носят. Но подумала я тогда: мужчина.

Вера записала именно это: не «был мужчиной», а «свидетель восприняла как мужчину».

Лариса помнила свет на полу, шорох неисправной щётки и красный огонёк аварийной кнопки. Не помнила обувь человека, волосы, головной убор и цвет вещи с ручкой. Рост сначала определила как «примерно Семёнов», затем сама отказалась от сравнения: Семён стоял сегодня близко, а человек — далеко.

— Он был растерян? — спросила Вера.

Лариса нахмурилась.

— Это я вам сказала?

— Нет. Я сейчас спросила неудачно. Снимаю вопрос.

Она произнесла это и в запись. Лариса усмехнулась:

— Прямо суд у нас.

— В суде адвокат уже объяснил бы вам, что именно вы должны были заметить.

— А вы не объясняете?

— Стараюсь.

Вера вернулась к последовательности. После остановки машины Лариса увидела человека. Тот стоял боком или спиной. Лариса нагнулась к колесу, выпрямилась, толкнула машину вперёд. Человек повернулся к колонне. Не отступил, не убежал, не закрыл лицо рукой — только изменил положение. Лариса восприняла это как нежелание встречаться взглядом.

— Сколько вы его видели?

— Минуты две.

— По часам?

— Нет. По ощущению.

— Что успели сделать за это время?

— Остановить машину, обойти её, поглядеть на колесо. Потом потекло из-под бака. Я взяла ведро у служебной двери и подставила. Нет... ведро там не стояло. Я побежала в кладовую.

— Человека вы видели до того, как побежали?

— Да.

— Когда вернулись?

— Уже никого.

— Сколько отсутствовали?

— Пока дошла, отперла, взяла ведро. Три минуты. Может, пять.

— Время вы где-нибудь отметили?

Лариса задумалась.

— Поломку записала в журнал. Мы сдаём технику по смене. Там должно быть.

Это было первое время, которое можно было проверить независимо от памяти. Лариса позвонила сменщице и попросила сфотографировать страницу. Пока ждали, Вера разложила на столе распечатанную схему зала без пометок.

— Покажите, где была машина, где человек и куда вы пошли за ведром.

Лариса поставила три крестика. Машина — между второй и третьей колоннами. Человек — не за третьей колонной, как сказала минуту назад, а сбоку от неё, ближе к бывшему табло. Маршрут к кладовой проходил через слепой коридор у служебной двери.

— Я неточно показала? — спросила она, увидев, что Вера сравнивает крестик со снимком.

— Вы показали точнее, чем можно было понять из слов. Это не одно и то же.

— Камера его должна видеть.

— Сначала посмотрим, что видит камера.

Фотография журнала пришла через минуту. Запись Ларисы стояла на строке 00:31: «ПММ-4, увод вправо, течь бака». Ниже механик расписался в приёмке в 00:52. В примечании было указано: «Правое заднее колесо блокируется».

Лариса постучала ногтем по времени.

— Значит, человека я видела около половины первого.

— Запись подтверждает, что в половине первого вы зафиксировали поломку, — сказал из-за двери Семён. Он всё-таки услышал. — Когда увидели человека, она отдельно не подтверждает.

— Спасибо, Семён Аркадьевич, — сухо ответила Вера. — Мы как раз дошли до этой разницы.

Лариса разрешила сохранить фотографию журнала и подписала схему. На последнем вопросе — слышала ли она объявления, музыку, шаги, звук колёс — ответила, что помнит только скрежет машины. Ночной рейс 742 и фамилию Вересков Вера не называла.

После выключения диктофона Лариса долго не вставала.

— А если на камере никого нет, я соврала?

— Нет. Тогда у нас будут ваши показания и запись камеры. Каждый источник со своими ограничениями.

— Красиво сказано.

— Красиво будет, если они совпадут. Пока я не обещаю.

Доступ к видео им дал не Лавров. Помог Кирилл Молчанов, который после исчезновения звукового файла успел зарегистрировать инцидент миграции. Он добился, чтобы к заявке добавили проверку смежных систем, и привёл их в комнату охраны. Дежурный администратор по фамилии Корнеев сразу предупредил:

— Копировать нельзя. Снимать экран нельзя. Я сам смотрю, вы присутствуете. Если увидим происшествие, оформляете запрос через безопасность.

— Нам нужен промежуток с нуля пятнадцати до нуля сорока пяти, — сказала Вера.

— Три камеры, полчаса каждая. У вас есть событие или желание посмотреть кино про пустой вокзал?

Вера положила перед ним фотографию журнала поломки и схему Ларисы.

— Проверяем присутствие человека в зоне третьей колонны около 00:31 и маршрут уборщицы к кладовой. Заодно источник следа возле служебной двери.

Корнеев посмотрел на Кирилла.

— Это относится к миграции звука?

— Пока неизвестно, — ответил тот. — Поэтому заявка и называется проверкой.

Такой ответ Корнееву не понравился, но возразить ему было нечем.

На экране открылся центральный зал сверху: выцветшие кресла, чёрные окна, четыре колонны, блестящий пол. Изображение шло рывками. Секунды в углу перескакивали через одну, иногда через две.

— Запись событийная? — спросила Вера.

— Пять кадров в секунду, — сказал Корнеев. — Здесь ещё пережатый просмотр. Для бега плохо, для стоящего человека достаточно.

В 00:17 зал был пуст.

Никакого человека у третьей колонны. Никакого чемодана. Никакой Ларисы. Только рекламный экран менял синий прямоугольник на белый, и от этого по полу проходила бледная волна света.

Вера не знала, чего ждала: фигуры, появившейся точно под её голос; сбой; хотя бы тени. Пустота оказалась убедительнее любой версии, потому что не требовала объяснений.

В 00:26 из левого края вошла Лариса с поломоечной машиной. Машина двигалась медленно, оставляя за собой тёмную полосу. У второй колонны её повело вправо. Лариса остановилась, обошла корпус и нагнулась.

— Вот, — сказала она.

Корнеев прибавил скорость, затем вернул обычную. Лариса на записи поднялась и посмотрела в сторону третьей колонны.

Там никого не было.

Она толкнула машину, отскочила от вытекшей воды и ушла к служебному коридору. В 00:31:14 экран мигнул. Следующий кадр имел отметку 00:31:27.

— Тринадцать секунд, — сказал Семён.

— Потеря пакета. Бывает, — отозвался Корнеев.

Лариса вернулась с ведром в 00:34. Поставила его под край бака, вытерла пол, затем вышла из кадра. Человека не было ни до неё, ни после.

— Перемотайте с нуля двадцати, — попросила Вера.

— Мы уже видели.

— Теперь не человека. Границы кадра.

Корнеев вздохнул, но вернул запись. Третья колонна закрывала узкий сектор у бывшего табло. Крестик Ларисы находился почти на границе: верхняя часть фигуры должна была попасть в кадр, нижняя могла скрыться. Однако на записи не появлялись ни плечо, ни рукав, ни ручка багажа.

— Пусто, — сказал Кирилл.

Лариса стояла за креслом Корнеева, держась за спинку.

— Я его видела.

Никто не ответил.

Вера попросила соседнюю камеру. Та смотрела от касс к выходу, но после закрытия половины зала её развернули к турникетам. Третья колонна осталась за правым краем. На записи была видна только Лариса: сначала её голова над машиной, потом отражение жёлтой полосы на стекле кассы.

Третья камера находилась у входа. В 00:15 двери уже работали только на выход. С 00:15 до 00:45 никто не вошёл и не вышел через центральный вестибюль.

— Всё? — спросил Корнеев.

— Синхронизация камер общая? — спросила Вера.

— Серверная.

— С главными часами в зале?

— Нет. Часы — отдельная система.

— С компьютером звукового архива?

Кирилл ответил раньше администратора:

— Архив брал время с домена. Видео — со своего регистратора. Расхождение возможно.

Корнеев открыл служебную панель. Регистратор отставал от времени его терминала на двадцать две секунды. Это не превращало пустой зал в полный.

— Есть пропуски кроме тринадцати секунд? — спросил Семён.

— Мелкие. Хотите акт — подавайте запрос.

— Подадим.

Вера попросила остановить кадр в 00:29:08. Лариса стояла рядом с машиной и смотрела к колонне. Если она придумала человека позже, её тело на записи всё равно было повернуто туда ещё до вопросов, билета и исчезнувшего файла. Но направление взгляда не доказывало, что перед ней кто-то находился. Там могло мигнуть табло. Мог упасть мусор. Она могла просто оценивать путь.

— Можно установить, меняли ли файл? — спросила Вера.

Корнеев выпрямился.

— Основания подозревать изменение?

— Исходный звуковой файл исчез во время проверки. Я спрашиваю, какие проверки доступны для видео.

Кирилл объяснил: у регистратора есть журнал выгрузок и администраторских входов, но проверка целостности требует специалиста безопасности. Корнеев показал список событий за нужную ночь. В 00:12 система зарегистрировала краткую потерю связи с центральной камерой, затем восстановление. В промежутке просмотра отключения не было. В 03:04 под учётной записью администратора выполнили плановую проверку хранилища.

— Кто администратор? — спросила Вера.

— Служебная учётная запись.

— Кто вошёл под ней?

— В журнале терминала будет рабочее место. Это уже официальный запрос.

Корнеев закрыл панель.

Лариса первой вышла из комнаты. Вера нашла её в коридоре у окна. Внизу рабочие грузили буквы со снятой вывески; слово «СЕВЕРНЫЙ» лежало в кузове по частям.

— Вы мне теперь не верите, — сказала Лариса.

— Я верю, что вы рассказываете то, что помните.

— Это вежливый способ сказать, что человека не было.

— Нет. Камера показывает, что в видимой части зала человека нет. Ваш крестик почти в видимой части. Почти — плохое слово и для обвинения, и для оправдания.

— Я не слепая.

— Я тоже слышала собственный голос в файле, которого теперь нет. Если мы начнём защищать себя вместо проверки, дальше останутся две обиженные женщины и ни одного факта.

Лариса посмотрела на неё впервые не как на бывшую начальницу смены.

— А если память меня подвела?

— Тогда нужно узнать как. Перепутали ночь, место или человека. Это тоже проверяемые варианты.

Семён принёс из комнаты охраны лист с номером заявки на сохранение видео и запрос журнала целостности. Лариса прочитала номер, будто он мог вернуть фигуру в кадр.

— В другую ночь посмотрите, — сказала она. — Машина ломалась именно тогда, но человека я могла видеть до полуночи. Или накануне.

— Что-нибудь связывает его именно с поломкой? — спросила Вера.

— Я думала, что он отвернулся, когда машина заскрежетала.

— Думали тогда или сейчас?

Лариса не рассердилась. Уже нет.

— Не знаю.

Это было самое надёжное слово за весь разговор.

Они договорились проверить три ночи — не весь архив наугад, а те промежутки, когда маршрутные листы подтверждали присутствие Ларисы в центральном зале. Корнеев обещал сохранить записи до официального ответа. Кирилл добавил к заявке проверку входа в 03:04 и тринадцатисекундного провала.

У лестницы Семён остановил Веру.

— Ты заметила не то.

— Что именно я должна была заметить?

— Ничего не должна. Поэтому и спрашиваю. Лариса ушла за ведром через служебный коридор. На основной камере исчезла. На соседней не появилась.

— Кладовая там.

— И дверь, возле которой мы нашли след колеса. Машину она оставила в зале, значит, тот след не от неё в эту минуту.

— Но мог остаться раньше.

— Мог. Зато теперь знаем: камеры не видят коридор, а журнал подтверждает, когда Лариса его открывала.

Вера посмотрела на копию схемы. От крестика человека до слепого коридора было меньше десяти шагов. Камера показывала пустое место почти всё время и теряла тринадцать секунд именно тогда, когда Лариса находилась у двери. Тринадцати секунд не хватало, чтобы родить пассажира из воздуха. Но хватало, чтобы человек, уже стоявший в слепом секторе, перешёл в коридор.

Это была возможность, не событие.

Она записала оба слова и разделила их чертой.

В 11:38 главные часы показывали 11:37. На экране охраны осталось 11:37:16.

Три времени для одного вокзала. И ни одно пока не говорило, где был человек у третьей колонны.

Глава 4. Семнадцать килограммов

Галина Павловна согласилась прийти только после того, как Семён перестал говорить слово «бирка» и назвал номер.

— Семнадцатая? — переспросила она. — Латунная, овальная, прорезь сверху?

— Мы её не трогали, — сказал Семён. — Она под скамьёй у третьей колонны.

— Тогда и дальше не трогайте. Я буду через сорок минут.

Она появилась через двадцать семь — в сером пальто, застёгнутом не на те петли, с жёсткой хозяйственной сумкой и складной тростью, которой пользовалась не при ходьбе, а чтобы доставать предметы из неудобных мест. Галине было семьдесят два. Двадцать шесть из них она заведовала камерой хранения старого терминала и считала, что люди делятся не на аккуратных и неряшливых, а на тех, кто помнит номер ячейки, и тех, кто потом обвиняет кладовщика.

У скамьи она не наклонилась. Выдвинула трость, подцепила бирку за прорезь и, не касаясь металла, повернула к свету.

— Не наша, — сказала Вера.

— Наша. Только не пассажирская.

На лицевой стороне было выбито 17. оборот покрывала зелёная окись, и с расстояния Вера не различала ничего, кроме царапин.

Галина попросила у Семёна чистый конверт, у Веры — телефон, а у дежурной смены — человека, который имел право оформить находку. Пока шёл администратор, она заставила снять общий план скамьи, расстояние до колонны и положение бирки относительно ножки. Потом указала тростью на пыльный прямоугольник под сиденьем.

— Пол здесь мыли после находки билета?

— Машиной не проходили, — ответила Лариса, которую снова вызвали из хозяйственной части. — Вручную край протирали. Под скамью не лезла.

— Кто-нибудь видел бирку вчера?

Лариса покачала головой. Семён сказал, что заметил её утром вместе с билетом, но оставил на месте. Вера сверила время фотографии: 08:46. На снимке номер читался, положение совпадало.

Администратор Корнеев пришёл уже раздражённым и потому действовал безукоризненно. Записал фамилии присутствующих, надел перчатки, поднял бирку и положил в прозрачный пакет. Галина попросила не заклеивать.

— Сначала оборот сфотографируйте под косым светом.

— Зачем?

— Затем, что вы сейчас прилипшую грязь вместе с историей в пакет запечатаете.

Корнеев включил фонарь. Под зелёным налётом проступили две буквы: «СЛ».

— Служебная, — сказала Галина. — Пассажиру выдавали алюминиевый жетон с номером. Латунь была у нас, чтобы открыть ячейку при утрате жетона или перестановке багажа. «СЛ» — служебная линия.

— Значит, это ключ от семнадцатой ячейки? — спросила Вера.

— Нет. Это бирка от ключа. Сам ключ мог быть на кольце, в шкафу или давно в металлоломе. И номер ещё ничего не говорит о сегодняшней ячейке.

Галина дождалась, пока Корнеев внесёт это уточнение в акт. Только после подписи согласилась идти в камеру хранения.

Помещение находилось за кассовым залом, в части терминала, уже отделённой лентой под снос. Новая автоматическая камера работала в соседнем корпусе; здесь остались три ряда железных дверец, стойка приёма и весы с круглым циферблатом. Половина ячеек была распах-

нута. Внутри лежали свёрнутые плакаты, коробки с проводами и пластиковые таблички для будущего музея.

На дверце номер семнадцать отсутствовал.

— Вот поэтому номер ничего и не говорит, — сказала Галина. — При ремонте ряд переносили. Старую семнадцатую сняли, номер отдали другой дверце. Потом и её поменяли.

Корнеев развёл руками:

— Электронный журнал по старой камере пуст. Она закрыта для пассажиров восемь месяцев.

— Пуст — это когда никто не пользовался или когда ничего не внесли? — спросил Семён.

— Для системы разницы нет.

— Для нас есть, — сказала Вера.

Галина прошла вдоль ряда, касаясь тростью нижних петель. У ячейки с номером 17 остановилась, но открывать не стала. Осмотрела замок, щель, головки винтов.

— Этот номер повесили после последней перестановки. Замок сменный, цилиндр новый. Латунная бирка к нему отношения не имеет.

— Можно проверить журнал открытий замка? — спросила Вера.

Корнеев приложил служебную карту к панели. Экран ответил серой строкой: «Устройство вне сети».

— После закрытия линию отключили. Локальный блок хранит последние события, но читать его должен техник.

— А электронный журнал пуст, — повторил Семён.

— Потому что операторских приёмов не было.

Галина повернулась к старой стойке.

— Зато приём был.

Она произнесла это не торжественно, а с досадой человека, заметившего плохо вымытую чашку. За стойкой стояли механические весы: низкая площадка, чугунная колонка и круглая шкала под мутным стеклом. Стрелка покоилась левее нуля.

— Их не списали? — спросила Галина.

— В музейный фонд включили, — ответил Корнеев. — Не трогайте.

— Я и не трогаю. Смотрите на ленту.

Между стеклом и металлическим ободом была зажата узкая бумажная полоска. На ней отпечатался синий сектор, а поверх него — тонкая белая черта.

Вера вспомнила дугу на обороте билета.

— Это копия?

— Контрольная лента, — сказала Галина. — На этих весах не было печати. Мы подкладывали полоску в паз и нажимали рычажок. Стрелка прокалывала бумагу напротив деления. Потом писали номер места и время. Для спорного багажа.

— Полоска осталась в весах?

— Кусок остался. Кто-то оторвал не до конца.

Корнеев перестал напоминать про музейный фонд. Позвонил начальнику смены и попросил оформить вскрытие экспоната в присутствии хранителя. Ждать пришлось у закрытых ячеек. Семён изучал пол. Вера — стену за стойкой. Там была дверь без надписи, выкрашенная той же серой краской, что и панели.

— Куда она?

— В приёмный коридор, — ответила Галина. — Раньше носильщики подавали оттуда крупные вещи. Пассажир оставался у стойки.

— Коридор выходит к третьей колонне?

— Не прямо. К хозяйственной кладовой, потом к служебной двери в зал.

Лариса тихо сказала:

— За ведром я туда ходила.

На плане из комнаты охраны её маршрут заканчивался у кладовой. Дверь за стойкой находилась дальше, за поворотом, который не видела ни одна из трёх камер.

— Она заперта? — спросил Семён.

Корнеев дёрнул ручку. Дверь не поддавалась.

— Должна быть.

— Ключ?

— У хозяйственной службы и у службы демонтажа.

Галина посмотрела на пакет с биркой.

— Раньше был ещё у камеры хранения. На кольце с латунными номерами.

Хранитель музейного фонда пришла с отвёрткой, актом и выражением человека, которому опять доказывают, что прошлое не умеет спокойно лежать в описи. Обод весов сняли. Бумажную полоску вытянули пинцетом на белый лист.

Она оказалась длиной около девяти сантиметров. Один край был старым, пушистым и серым. Второй — свежим и косым. На полоске сохранились два прокола, синяя дуга и карандашная запись: «17». Ни даты, ни времени.

— Семнадцать килограммов, — сказал Корнеев, глядя на деление.

— Может быть, — ответила Галина.

— Стрелка напротив семнадцати.

— Сейчас напротив. Сначала проверим ноль и ход.

Она не позволила использовать найденную полоску второй раз. Хранитель принесла из мастерской набор поверочных гирь, оставшийся с инвентаризации. Весы поставили на ровный участок пола. Галина очистила площадку сухой щёткой, не касаясь механизма, и велела записывать каждое действие.

Без груза стрелка стояла на четырёхстах граммах ниже нуля. С гирей в пять килограммов показала четыре и шесть десятых. С десятью — девять и шесть. Погрешность оставалась почти постоянной.

— Значит, отметка семнадцать — это семнадцать и четыре? — спросил Семён.

— Если положение нуля не менялось. А мы этого не знаем. Могли сбить при переносе. Могли выставить правильно перед взвешиванием и задеть потом.

Галина попросила новую полоску из обычной бумаги. Хранитель вырезала её по размеру. На площадку положили десяти- и пятикилограммовую гири, добавили две по килограмму. Стрелка остановилась ниже деления. После поправки Галина медленно подвела регулировочный винт к нулю и повторила опыт. Теперь прокол лёг точно на семнадцать.

Синяя дуга совпала по радиусу с дугой на найденной полоске.

— Весы способны оставить такой след при грузе семнадцать килограммов, — сказала Вера, формулируя для записи.

— И при нескольких грузах общей массой семнадцать, — добавила Галина. — И при человеке, который рукой нажал на площадку. След подтверждает положение стрелки, а не содержимое.

— Карандашный номер семнадцать относится к ячейке? — спросил Корнеев.

— Обычно относился. Но писала не я, и образца смены у нас пока нет.

Вера сфотографировала две полоски рядом, не накладывая одну на другую. На обороте старого билета синяя дуга была того же цвета и изгиба, но заканчивалась раньше.

Семён заметил её взгляд.

— Не спеши. Билет мог лежать на стойке, когда отрывали ленту. Мог соприкоснуться с копиркой. А мог получить дугу где угодно.

— Я ничего не сказала.

— Поэтому я сказал за тебя. Для экономии времени.

Галина хмыкнула. Это было первое подобие улыбки с её появления.

Они проверили ячейку с нынешним номером 17 только после того, как Корнеев получил разрешение. Внутри стояла коробка с алюминиевыми буквами. Пломба музейного фонда была цела, дата описи — три месяца назад. На дне не нашлось ни волокон, ни свежей пыли, ни следа от колёс.

— Не эта, — сказала Галина.

Она попросила планы перестановок. Корнеев принёс папку, где новые схемы были распечатаны из программы, а старые — вклеены на миллиметровке. За восемь месяцев номер 17 сменил три места. До закрытия пассажирской камеры он находился во втором ряду. После освобождения ряда дверцу сняли, а табличку переставили на музейную ячейку. Но в последней служебной описи была ещё одна строка: «место 17 — временное хранение, приёмный коридор».

— Это не ячейка, — сказала Галина. — Так обозначали груз, который не помещался внутрь. Ставили за стойкой, выдавали служебную бирку и переносили при первой возможности.

— Кто мог принять его после закрытия камеры? — спросила Вера.

— Официально никто.

— А практически?

Галина перечислила без удовольствия: дежурный администратор, хозяйственная служба, демонстрационеры, хранитель фонда и тот, у кого сохранился старый ключ. Электронный журнал ничего не показывал, потому что операция проводилась бы не через рабочее место оператора. Механическим весам сеть не требовалась.

Семён постучал по строке описи.

— Если груз получил временный номер семнадцать, его не обязаны были класть в ячейку номер семнадцать.

— Не обязаны, — подтвердила Галина. — Его могли оставить здесь, унести на склад или провести через приёмный коридор.

— На тележке?

— Если семнадцать килограммов, можно и в руках. Если неудобный — на тележке. Масса ничего не говорит о форме.

Лариса провела ладонью по воздуху, вспоминая.

— У человека была ручка. Вот так, до бедра.

— У предмета могла быть ручка, — поправила Вера. — Вы не видели его на весах.

— Не видела.

— И не видели, как его несли через эту дверь.

— Нет.

Галина посмотрела на Веру внимательно.

— Хорошо выучилась не складывать два неизвестных в один чемодан.

— Недавно начала.

За дверью приёмного коридора обнаружился ещё один замок. Техник принёс связку современных ключей; подошёл третий. Коридор пах штукатуркой и старой резиной. На полу лежала мелкая белая пыль, прорезанная несколькими следами: широкими от строительной платформы, узкими от тележки и человеческими подошвами. Определить их возраст без специалиста было невозможно.

До хозяйственной кладовой оказалось тридцать четыре шага. Ещё девять — до служебной двери рядом с третьей колонной. Видеокамер не было. На повороте стояла пустая металлическая рама, достаточно широкая для крупного багажа. Вера прошла маршрут обратно, считая секунды. Без груза — сорок одна. С тележкой потребовалось бы больше. Тринадцати-

секундный провал центральной камеры не покрывал весь путь, зато и не должен был: человек у колонны мог исчезнуть из её поля сразу за дверью, а дальше двигаться вне записи.

Это снова была возможность.

У внутренней стороны двери Галина нашла крючок без связки. На стене сохранился прямоугольник более светлой краски и две карандашные цифры: 14 и 17. Цифру 14 зачеркнули. Семнадцать обвели.

Корнеев сфотографировал надпись.

— Такие пометки могли быть сделаны когда угодно.

— Да, — сказала Вера.

— И полоска без даты.

— Да.

— И бирка могла валяться под скамьёй месяц.

— Могла.

Он явно ждал возражения и растерялся, не получив его.

— Тогда что у нас вообще есть?

Вера открыла блокнот.

— Латунная служебная бирка с номером семнадцать, впервые зафиксированная под скамьёй сегодня в 08:46. Контрольная полоска из механических весов с отметкой около семнадцати килограммов и карандашным номером семнадцать; её возраст пока не установлен. Весы работоспособны и после настройки воспроизводят отметку. Электронного приёма багажа нет. В старой описи номер семнадцать мог означать временный груз в приёмном коридоре, а не конкретную ячейку. Коридор соединяет камеру хранения со слепым маршрутом к залу.

— И билет с синей дугой, — напомнил Семён.

— Отдельно. Пока не установим происхождение дуги.

Галина забрала у хранителя копию схемы и наложила её на план камер. Служебная дверь у третьей колонны, кладовая Ларисы, приёмный коридор и старая стойка сложились в линию, которую пассажирская часть вокзала не видела ни одной камерой.

— Когда я уходила, этот путь закрывали двумя ключами, — сказала она. — Один был у администратора, другой у меня. Потом мой ключ приняли по акту.

— Вы уверены? — спросил Корнеев.

Галина расстегнула жёсткую сумку и достала папку в клетчатой обложке. Внутри лежали копии актов сдачи, пенсионное удостоверение, старый график смен и фотография связки на белом листе. Напротив ключа «СК-2, приёмный коридор» стояла подпись Лаврова.

Дата была восьмимесячной давности — день после закрытия камеры хранения.

— Я всегда фотографировала то, что сдавала, — сказала Галина. — Потому что люди, которые не помнят номер ячейки, очень любят помнить, кому они якобы отдали ключ.

Семён склонился над актом.

— Лавров принимал лично?

— Он руководил освобождением помещений. Подпись его. Куда ключ ушёл потом, спрашивайте у него.

Вера почувствовала знакомое желание немедленно соединить подпись Лаврова, исчезнувший файл, ночной вход администратора и семнадцать килограммов. Линия получалась слишком прямой. Такие линии особенно удобно рисовать поверх пустых мест.

— Сначала запросим журнал выдачи ключей, — сказала она. — И инвентарные перемещения весов. Нужно понять, когда полоска могла попасть в паз.

— А Лавров? — спросил Корнеев.

— Получит вопросы после документов. Иначе мы сами подскажем ему ответы.

Галина сложила папку, но фотографию акта разрешила приложить к заявке. У выхода она остановилась возле механических весов.

— Вы ведь думаете, что человек оставил чемодан на семнадцать килограммов.

— Нет, — ответила Вера.

— Уже нет или пока нет?

Вера посмотрела на две полоски: старую с косым обрывом и новую, чистую, проколотую во время проверки.

— У нас есть след измерения. Груз — самое простое объяснение, потому что весы для него и стояли. Но мы не знаем, один ли это предмет, чей он, когда его взвесили и куда унесли. Лариса видела предмет с ручкой — возможно, в другую ночь. Бирку нашли сегодня. Всё это ещё нельзя произносить одним предложением без слов «может быть».

— Значит, произносите двумя, — сказала Галина. — Так честнее и дольше живёт.

На обратном пути в зал Семён катил пустую музейную тележку, которую им разрешили взять для измерения колеи. Правое колесо едва заметно уходило в сторону. На белой пыли осталось две линии, одна с повторяющимся изломом.

У служебной двери след совпал по ширине с полосой, замеченной Верой в первый день, но рисунок излома был другим.

— Не эта тележка, — сказал Семён.

— Или колесо меняли, — отозвалась Галина.

— Или след вообще не от тележки камеры хранения, — добавила Вера.

Они оставили и это отдельно.

В 13:12 Кирилл прислал ответ на утренний запрос. Вход в систему видеонаблюдения в 03:04 был выполнен с терминала в кабинете руководителя работ по закрытию старого корпуса. Учётная запись оставалась служебной; фамилии пользователя журнал не содержал.

К сообщению прилагалась ещё одна строка: в 03:09 контроллер двери приёмного коридора потерял питание на четыре минуты.

Вера перечитала времена и положила телефон рядом с фотографией акта, подписанного Лавровым.

Теперь у них было не доказательство того, кто прошёл по коридору, а проверяемый вопрос о человеке, который мог туда войти.

И семнадцать килограммов — вес чего-то, чему пока не следовало давать имя.

Глава 5. Минута, которой нет

В комнате дежурного диктора время никогда не было просто временем.

Оно приходило сюда четырьмя разными путями: с главных часов под сводом, с платформенных табло, из служебной сети и из человеческого рта. Первые три могли расходиться. Четвёртый обязан был решить, кому из них поверят несколько сотен людей.

Вера помнила это телом. За семь секунд до включения микрофона она выпрямляла спину. За три — убирала язык от верхних зубов, чтобы первая согласная не щёлкнула. После зелёного огонька выдерживала короткую паузу: усилитель старого терминала просыпался медленнее человека.

Теперь на месте пульта стоял монитор с наклейкой «К списанию», а под ним Кирилл разложил четыре распечатки.

— Сразу предупреждаю, — сказал он. — Они не обязаны совпасть.

— Поэтому мы здесь.

Семён придвинул стул к стене, но не сел.

— А если бы совпали, мы бы где были?

— Дома, — ответила Вера.

— Хорошая версия. Проверить бы.

Галина Павловна поставила на край стола термос и папку с копиями актов. После камеры хранения она решила не уезжать, пока не увидит, что именно означает строка о потере питания в 03:09. Кирилл объяснил, что к часам эта строка прямого отношения не имеет. Галина выслушала и осталась.

На первой распечатке был журнал сервера объявлений. На второй — выгрузка контроллера главных часов. На третьей — состояние платформенных табло. Четвёртая оказалась фотографией бумажного журнала ручных включений.

Вера взяла её первой.

Журнал лежал в металлическом ящике под старым пультом. После перехода на автоматическую систему его продолжали вести только при сбоях, учениях и проверках. В каждой строке полагалось указывать время начала, время окончания, причину, канал и фамилию сотрудника. В ночном листе три дня назад значились две записи.

«00:12–00:13. Проверка зон 1–4. КМ».

«00:31–00:32. Ручное сообщение. Технические работы. АЛ».

Вторая строка была сделана синими чернилами. В графе канала стояло «общ.», хотя такого сокращения в инструкции не существовало.

— АЛ — Лавров? — спросил Семён.

— Может быть, — сказала Вера.

— Я начинаю бояться этого слова.

— Значит, оно работает.

Кирилл открыл скан крупнее.

— Ночной дежурный утверждает, что в журнале не расписывался. В журнале доступа к комнате его карта тоже не отмечена. Лавров говорит, что проводил обход подрядчиков и сюда не заходил.

— Образец почерка? — спросила Галина.

— Корнеев запросил. Пока у нас только две буквы, да и те могут означать не человека.

Вера провела ногтем над строкой, не касаясь экрана.

— Сначала время. Кто сфотографировал лист?

— Я. Сегодня в девять двадцать две. Оригинал уже у Корнеева.

— До или после того, как снимали питание с пульта?

— Пульт не обесточивали. Отключали стойку хранения в серверной.

— Хорошо. Покажи журнал событий микшера.

Кирилл замялся.

— Там почти ничего. Старый блок не пишет речь, только замыкание каналов.

— Почти ничего — это не ничего.

Он нашёл файл. В 00:30:08 система зарегистрировала ручное открытие общего канала. В 00:30:26 канал закрылся. Через две секунды открылся снова и оставался активным до 00:30:41.

Семён посмотрел на бумажную строку.

— Написано с тридцать первой до тридцать второй.

— Написано рукой, которая могла смотреть на главные часы, — сказала Вера. — А микшер пишет по серверу.

На главных часах в ту ночь минутная стрелка двигалась не плавно. Центральный контроллер каждые шестьдесят секунд посылал импульс, и все стрелочные циферблаты под своим делали шаг одновременно. После дневной проверки Вера уже знала: они отставали от телефонов и терминалов примерно на минуту. Но «примерно» годилось для жалобы пассажира, а не для хронологии.

Кирилл вывел таблицу импульсов. Между 23:58 и 00:36 контроллер получил все команды, кроме одной. После отметки 00:16:00 следующая команда пришла в 00:18:00. Автоматическая коррекция была запрещена: старые двигатели не умели перескакивать через пропуск. С этой точки стрелочные часы оставались на минуту позади серверных.

— То есть до нуля семнадцати они шли правильно? — спросила Галина.

— Если время контроллера верно, — ответил Кирилл.

— А оно верно?

— Сверялось с сервером в 23:40 и в 04:00. Отклонение меньше двух десятых секунды.

Вера записала два времени одно под другим.

Сервер: 00:17:00.

Главные часы: 00:16.

— Когда человек в зале впервые мог заметить отставание? — спросила она.

— После пропущенного импульса, — сказал Кирилл. — В ноль семнадцать серверного времени большие часы должны были перейти на семнадцать, но остались на шестнадцать.

— А объявление рейса 742 называло посадку в ноль семнадцать.

Семён нахмурился.

— Значит, его включили после сбоя?

— Нет. Значит, тот, кто составил фразу, знал число «ноль семнадцать». Пока только это.

Она попросила журнал платформенных часов. Электронные табло получали время из другой сети и в 00:17 показывали 00:17. Однако третий путь оказался сложнее: экран над закрытой второй платформой был переведён в режим технического сообщения. Время на нём не отображалось с 23:50 до 00:40.

— Человек у третьей колонны не видел платформенные часы, — сказал Семён.

— Если стоял там, где указала Лариса, видел боковой экран в кассовом проходе, — возразила Вера. — Но мы не знаем, куда он смотрел. И стоял ли именно в ту минуту.

Галина открыла термос.

— Вы умеете испортить любое удобное доказательство.

— Это наша единственная бесплатная услуга, — сказал Семён.

Кофе пах пережаренным зерном и поездкой в плацкарте. Вера отказалась. Ей мешала не строка «АЛ» и не пропущенный импульс. Ей мешали два открытия канала.

Запись, которую она слышала в архивной папке, длилась двадцать семь секунд. В ней не было паузы, достаточной для закрытия микшера. Первый ручной канал работал восемнадцать

секунд, второй — тринадцать. Вместе тридцать одна, но между ними оставались две секунды тишины.

— Кирилл, тот файл был непрерывным?

— По звучанию — да.

— Не по звучанию.

Он восстановил карточку из отчёта импорта. Контейнер имел длительность двадцать семь целых восемь десятых секунды. Внутри стояла одна звуковая дорожка. Признаков разрыва отчёт не показывал, но источник исчез прежде, чем Кирилл успел сделать спектральную копию.

— Файл могли включить не через этот пульт, — сказал он. — Через аварийный вход усилителя, из серверной, из тоннеля, даже с переносного блока, если знать схему.

— Тогда зачем открывали общий канал дважды?

— Проверяли зоны. Или маскировали другое включение. Или журнал вообще о другом событии.

Вера закрыла глаза и мысленно вернула старую комнату. Рука на фейдере. Красная лампа. Щелчок реле в шкафу. Гул под сводом приходит обратно с задержкой, которой диктор почти не слышит, если говорит, но замечает, если молчит.

— Можно включить запись через общий канал так, чтобы микшер показал два замыкания, а люди слышали одну фразу?

Кирилл покачал головой, потом остановился.

— Если первое открытие было без сигнала. Канал открыт, но источник на нуле. Закружили, подключили источник, открыли снова.

— Тогда на речь остаётся тринадцать секунд. Наша запись вдвое длиннее.

— Если второй импульс микшера открывал не начало, а конец маршрута. Например, переключал зоны.

— Покажи зоны отдельно.

В старом интерфейсе общий канал назывался общим только на кнопке. В журнале каждая линия усилителей отражалась отдельно. Кирилл выгрузил события: в 00:30:08 открылись зал и кассовый проход. В 00:30:26 оба закрылись. В 00:30:28 открылся служебный канал — коридоры, тоннель и комнаты персонала. Он закрылся в 00:30:41.

— Это не два куска одного объявления, — сказала Вера. — Это две аудитории.

Семён наконец сел.

— Сначала пассажиры. Потом тот, кто должен был слышать в служебной части.

— Или наоборот по смыслу, — сказала Галина. — Один текст людям, другой работникам.

— Мы слышали только один файл, — напомнила Вера. — И не знаем, какой из каналов его воспроизводил.

Она попросила план акустических зон. Бумажная схема висела на внутренней дверце шкафа, выцветшая по краям. Третья колонна попадала в заловую линию. Приёмный коридор — в служебную. Между ними была дверь, задерживавшая звук, но не глушившая его полностью.

— Лариса сказала, что не слышала объявления, — заметил Семён.

— Она сказала, что не помнит его. Не одно и то же.

— А если человек ждал у колонны первую часть, а потом ушёл в коридор за второй?

— Красиво, — сказала Вера. — Поэтому опасно. Сначала установим, что там вообще звучало.

Кирилл нашёл ещё один журнал — не звука, а нагрузки усилителей. Ток на заловой линии вырос в 00:30:09 и держался шестнадцать секунд. На служебной — в 00:30:29 и держался одиннадцать. Сигнал действительно подавали оба раза.

Но запись о Верескове длилась почти двадцать восемь секунд.

Вера произнесла текст по памяти, не стараясь копировать собственный голос:

— «Вниманию пассажира Верескова. Посадка на рейс семьсот сорок два отправлением в ноль часов семнадцать минут производится у третьей колонны».

Кирилл включил секундомер. Получилось двенадцать с половиной секунд.

— В файле были вступительный звонок, пауза и повтор, — сказала Вера. — Я услышала фразу дважды. Второй раз тише.

Она вспомнила, как решила тогда, что это отражение старого зала, сохранённое вместе с записью. Эхо под сводом всегда возвращало окончания слов, но не целые предложения. Тихий повтор начинался слишком ровно.

— Две зоны, — сказал Кирилл. — Один и тот же короткий файл последовательно. В контейнер могли записать оба воспроизведения с контрольного выхода.

— Первое в зал, второе в служебный коридор, — сказал Семён.

— Возможно. Проверяем.

Они нашли тестовую запись месячной давности. Контрольный выход сохранял каждый запуск на одной дорожке, ставил между ними фактический промежуток и добавлял служебный тон в начале. Два коротких воспроизведения давали контейнер почти той же длины, что исчезнувший файл.

Вера снова посмотрела на времена.

В 00:30:08 по серверу зал получил первую фразу. Главные часы в этот момент показывали 00:29, потому что с 00:17 отставали на один шаг. В 00:30:28 служебный коридор получил повтор. Бумажная запись «00:31–00:32» не совпадала ни с одним из них, если её автор смотрел на главные часы: там было 00:29, затем 00:30.

— Строку внесли позже, — сказала Галина.

— Или писали по другим часам, — ответила Вера.

— Платформенные показывали тридцать.

— Ни одни доступные часы не показывали тридцать один в момент первого включения.

Кирилл увеличил фотографию бумажного журнала. На полях листа виднелся отпечаток круглого штампа предыдущей страницы. Вера попросила оригинал, но Корнеев уже увёз его в отдел. Тогда Галина достала из папки копию старой инструкции.

— Запись в журнал вносили до объявления или после?

— При ручной работе — до, — сказала Вера. — Время начала ставили плановое. После дописывали окончание и расписывались.

— Значит, могли заранее написать «тридцать один».

— Могли. И тогда это не время по часам, а назначенное окно.

Семён постучал карандашом по столу.

— Но почему окно назначили на тридцать первую, а включили на тридцатой?

Вера посмотрела на журнал главных часов. Пропуск импульса случился в 00:17. До него все вокзальные циферблаты показывали верно. Объявление называло то же число — 00:17. Не время своего воспроизведения, а время посадки. После сбоя человек, ориентировавшийся на большие часы, всю ночь жил на минуту раньше сервера.

— Потому что для того, кто смотрел на главные часы, включение должно было случиться в половине первого, — сказала она. — И случилось. Сервер показывал 00:30:08, большие часы — 00:29 до следующего импульса и 00:30 после него. Но строка в журнале округлена вперёд ещё на минуту.

— Не сходится, — сказал Семён.

— Именно. Это не ошибка часов. Это ошибка записи.

Она попросила Кирилла показать точные секунды импульсов после сбоя. Команды приходили ровно на нулевой секунде, но стрелочные механизмы начинали движение с задержкой от одной до четырёх секунд. Камера центрального зала видела циферблат под углом. На записи

за 00:30 Вера дождалась момента, когда минутная стрелка дёрнулась с двадцати девяти на тридцать.

Серверный штамп кадра показывал 00:31:03.

Комната замолчала.

— Вот ваша тридцать первая, — сказал Кирилл.

— Нет, — ответила Вера. — Вот причина, по которой кто-то мог записать тридцать первую, глядя не на циферблат, а на сервер. Но объявление прошло за пятьдесят пять секунд до движения стрелки.

Она попросила прокрутить запись назад. В 00:30:08 камера не записала человека у пульта — комната диктора находилась вне её обзора. Зато в кадре были Лариса с машиной у кассового прохода и двое монтажников возле закрытого киоска. Никто из них не поднял головы.

Кирилл включил звук с камеры. Сначала шёл гул вентиляции. Затем едва различимо возникло объявление, но слова тонули в металлическом дребезге машины. В 00:30:28 на записи ничего не изменилось: служебная линия в зал не выходила.

— Лариса могла не запомнить, — сказал Семён.

— И человек мог услышать первую фразу, не попав в кадр, — сказала Вера. — Но это всё ещё возможность.

Она попросила открыть журнал ручных объявлений за соседние ночи. Почерк дежурных был разным, сокращения тоже, но время почти всегда ставили без секунд. В двух случаях сервер подтверждал включение на минуту раньше записи, в одном — на две позже. Бумажный журнал оказался расписанием намерений, а не точной шкалой.

Зато журнал нагрузки был точен до секунды.

Вера провела вертикальную линию на чистом листе и нанесла события:

00:16:00 — последний правильный импульс главных часов.

00:17:00 — пропуск; возникает отставание на одну минуту.

00:30:08–00:30:25 — сигнал в пассажирском зале.

00:30:28–00:30:39 — сигнал в служебной зоне.

00:31:03 — главные часы переходят на 00:30.

00:31:14–00:31:27 — тринадцатисекундный провал центральной камеры.

00:31 — запись в журнале, внесённая по неизвестной шкале или заранее.

Она отступила от листа.

До сих пор они привязывали появление человека к провалу камеры в 00:31:14. Так было удобно: Лариса смотрела к колонне, кадры исчезали, служебная дверь оставалась вне обзора. Но объявление в зал закончилось почти за сорок девять секунд до начала провала. Повтор в служебной зоне — за тридцать пять.

Человек, действовавший по объявлению, не обязан был ждать исчезновения кадров. Он мог войти в слепой сектор раньше. Или уже находиться в коридоре и услышать только повтор.

— Мы искали не ту минуту, — сказал Семён.

— Мы искали минуту, записанную рукой, — ответила Вера. — Теперь у нас есть окно, записанное аппаратурой.

— Двадцать секунд между двумя зонами.

— И тридцать пять секунд до провала камеры.

Галина подвинула к себе план.

— От третьей колонны до служебной двери сколько?

— Восемь обычных шагов до границы обзора, — сказал Семён. — Дальше камера не видит.

— А до приёмного коридора через дверь — ещё девять.

Вера поставила карандаш на отметку 00:30:08. Если первая фраза была сигналом человеку у колонны, он мог уйти из видимой зоны ещё до её окончания. Если вторая предназна-

чалась уже для коридора, двадцати секунд хватало, чтобы пройти через дверь, но не чтобы добраться до старой камеры хранения. Это не доказывало маршрут. Зато делало его проверяемым.

— Нужны записи служебных датчиков с нуля двадцати девяти до нуля тридцати двух, — сказала она. — Не только дверь приёмного коридора. Все двери между залом, кладовой и тоннелем. И питание по каждой линии.

— Контроллер приёмного коридора терял питание только в три девять, — напомнил Кирилл.

— Значит, ночью около половины первого он должен был что-то записать. Открытие, отказ, состояние замка. Если не записал — это тоже отдельный вопрос.

Семён посмотрел на бумажную строку «АЛ».

— А кто включал?

— Журнал микшера личности не знает. Бумага личности не доказывает. Терминал мог быть открыт картой, ключом или оставлен незапертым. Пока ответ: человек с доступом к одной из точек управления.

— Лаврову опять повезло.

— Нет. Нам повезло не обвинить его по двум буквам.

Кирилл отправил запрос в архив автоматике. Система ответила, что данные старше сорока восьми часов перемещены в резервное хранилище. Для восстановления требовалась заявка руководителя работ.

— То есть Лаврова, — сказал он.

— Или Корнеева в рамках проверки, — сказала Вера. — Пусть запрос идёт через него.

Она сфотографировала построенную шкалу и рядом положила лист с ограничениями: серверное время подтверждено синхронизацией; главные часы отстали после пропущенного импульса; точное содержание двух сигналов не сохранено; бумажная строка не устанавливает фактическое время и автора; связь сигналов с пассажиром Вересковым остаётся гипотезой.

Семён прочитал последний пункт вслух.

— После двух часов работы мы доказали, что не знаем, кому объявляли.

— Мы знали это и раньше. Теперь мы знаем, когда могли объявлять.

Телефон Кирилла завибрировал прежде, чем они вышли из комнаты. Корнеев прислал фотографию оборота ночного листа. Под нажимом синей строки на следующей странице отпечатались цифры. Экспертный свет ещё не применяли, но на снимке читалось: «00:30», поверх чего позже провели единицу, превратив последнюю цифру в «31».

Галина первой нарушила молчание:

— Исправление без подписи.

— И без объяснения, — сказал Кирилл.

Вера увеличила снимок. Чернила выглядели одинаково синими, но по фотографии нельзя было установить, одной ли ручкой и в один ли момент сделаны штрихи.

— Оригинал нужно смотреть специалисту. Мы не называем это подделкой.

— А чем называем?

— Исправленным временем.

Она зачеркнула на своей шкале бумажное «00:31» и написала рядом: «первоначально 00:30; причина исправления неизвестна».

Теперь хронология ночи изменилась не из-за минутного отставания часов. Она изменилась потому, что кто-то заметил или знал точное время ручного включения — и сдвинул его к минуте, где позже пропала запись камеры.

Провал начинался в 00:31:14.

Исправленная строка указывала на 00:31.

Но аппаратура утверждала: оба объявления закончились до провала.

Между голосом и исчезнувшими кадрами больше не было одной минуты. Были тридцать пять секунд, которых кто-то очень старательно не оставил на бумаге.

Глава 6. Служебная дверь

Архив автоматики пришёл в одиннадцать двадцать три — не таблицей, а россыпью из восьми файлов, названных так, словно система заранее рассчитывала пережить всех, кто умел её понимать.

Кирилл разложил окна на двух мониторах и придвинул к Вере лист с уже выверенной шкалой времени. Галина принесла из кладовой связку старых бирок, Семён — рулетку, мел и маленький строительный уровень. На вопрос, зачем уровень в расследовании исчезнувшего пассажира, он ответил:

— Чтобы пол не давал показания под давлением.

Корнеев разрешил обследовать коридор до полудня. Потом туда должны были зайти рабочие и снять кабельные короба. Вера посмотрела на часы компьютера: у них было тридцать семь минут.

— Сначала события, — сказала она. — Иначе найдём на полу именно то, что захотим найти.

Кирилл открыл схему контроллеров. Служебная дверь у третьей колонны имела два датчика: геркон сообщал, прижато ли полотно к коробке, а контакт замка — удерживает ли язычок ответную планку. Рядом стоял считыватель карт, хотя сотрудники чаще пользовались механическим ключом: старую дверь так и не включили в общую систему доступа полностью.

— Поэтому фамилий не будет, — предупредил Кирилл. — Только состояния.

— Состояния честнее фамилий, — сказал Семён. — Фамилия может быть чужая, а открытая дверь закрытой не притворится.

— Может, если неисправен датчик.

— Вот потому и два.

В 00:29:00 оба сигнала были нормальными: полотно закрыто, замок удерживает. В 00:30:14 контакт замка разомкнулся. Геркон ещё четыре секунды показывал закрытое полотно. В 00:30:18 дверь отошла от коробки и оставалась открытой до 00:30:33. Затем геркон вернулся в норму, но замок замкнулся только в 00:30:36.

Вера записала рядом с аппаратным окном объявлений:

00:30:08 — начало сигнала в зале.

00:30:14 — отпущен замок служебной двери.

00:30:18 — дверь открыта.

00:30:25 — сигнал в зале окончен.

00:30:28 — начало сигнала в служебной зоне.

00:30:33 — дверь закрыта.

00:30:36 — замок удерживает.

00:30:39 — сигнал в служебной зоне окончен.

Семён провёл пальцем от первой строки к последней.

— Человек услышал начало в зале, открыл на шестой секунде и второе объявление дослушал уже за дверью.

— Человек или кто-то, открывший ему, — сказала Вера. — И мы всё ещё не доказали, что оба сигнала содержали тот файл.

— Но последовательность красивая.

— Красивое оставим для обложки дела.

Кирилл вывел события остальных дверей. Дверь в приёмный коридор, ведущая к старой камере хранения, в этом окне не открывалась. Дверь в тоннель тоже. Зато в 00:30:47 сработал геркон хозяйственной перемычки — узкого прохода, соединявшего приёмный коридор с подсобной галереей. Замка у неё не было. Полотно оставалось открытым девять секунд.

— На плане этой перемычки нет, — сказала Вера.

Галина нагнулась к экрану.

— Потому что это не дверь. Так считала строительная служба. Раньше там была арка, потом поставили противопожарное полотно и назвали перегородкой.

— Противопожарное полотно без замка?

— Не смотрите на меня так. Я грузы принимала, а не здравый смысл.

Следующее событие возникло в 00:31:02: открылась решётка кладовой списанного оборудования. Закрылась она в 00:31:09 — за пять секунд до провала центральной камеры. Ещё через одиннадцать секунд система зарегистрировала краткое открытие двери со стороны погрузочной ramпы.

Кирилл увеличил строку.

— В 00:31:20. Внутри провала камеры.

— Центральная камера ramпу не видит, — сказала Вера.

— Но совпадение выглядит нехорошо.

— Совпадение выглядит совпадением. Какая шкала у контроллеров?

Кирилл сверил заголовки файлов. Часы дверной автоматики синхронизировались с тем же сервером, что микшер, последний успешный запрос был в 23:55. Отклонение при проверке утром составило меньше секунды.

— Значит, путь по времени возможен, — подвёл итог Семён. — От колонны через первую дверь, хозяйственную перемычку, кладовую и на ramпу.

— Возможен не значит пройден, — напомнила Вера. — Датчик сообщает о двери, не о том, кто через неё прошёл и прошёл ли вообще.

Галина уже складывала бирки обратно в коробку.

— На месте различим. Если через кладовую катили груз, там должен был остаться поворот.

Служебная дверь открылась не сразу. Семён повернул выданный Корнеевым ключ, навалился плечом, затем попросил всех отойти и снова закрыл полотно.

— Не закусывает, — сказал он. — Доводчик тянет слишком сильно. Я с ним боролся, потому что привык помогать старым дверям. А она сама доходит.

Они повторили открытие с секундомером. От отпускания язычка до заметного отхода полотна проходило три-четыре секунды, если тянуть не сразу, а придержать ручку. При свободном закрытии геркон срабатывал раньше, чем язычок полностью входил в планку; разница составляла примерно три секунды.

— Ночная последовательность похожа на обычное открытие и закрытие, — сказала Вера. — Но только похожа.

— Можно было дёрнуть ручку с одной стороны и не проходить, — согласился Семён. — Можно было пропустить тележку без человека, если её толкнул призрак с хорошей техникой безопасности.

Галина оглянулась на него.

— Призрак сначала должен открыть себе противопожарную перемычку.

— Уже два действия. Растёт как свидетель.

За дверью воздух пах старой штукатуркой и мокрым картоном. Дневной свет из зала ложился на первые два метра коридора, дальше его проглатывали редкие потолочные лампы. Пол менялся у порога: гладкая плитка зала переходила в серый наливной состав, исполосованный колёсами.

Полосу, замеченную Верой в первый день, не смыли. Теперь она была бледнее и обрывалась у стены, где рабочие прошли в тяжёлых ботинках. Семён поставил рядом рулетку. Ширина тёмного следа менялась от двадцати двух до двадцати семи миллиметров. Через каждые сорок с небольшим сантиметров на правом краю повторялся короткий косой выступ.

— Не машина Ларисы, — сказал он. — У неё шина шире, и повреждение шло бы по внутренней стороне.

— Это мы уже знаем по пробному следу, — сказала Вера. — Что нового?

Семён посыпал край полосы мелом и мягко провёл резиновым валиком из набора осмотра. На белом проявились три одинаковых выступа.

— Новое — период. Колесо делает оборот через сорок три сантиметра. Значит, диаметр около четырнадцати. Не чемодан: у обычной сумки колёса меньше. И не поломочная машина.

Галина присела, не касаясь следа.

— Складская тележка. Малые поворотные колёса как раз сто двадцать пять или сто пятьдесят миллиметров. Но полоса одна.

— Остальные могли идти по сухому, — сказал Семён.

— Или это вообще одно колесо от чего угодно, — добавила Вера.

Они шли по коридору медленно. Полоса исчезала на сухом участке и возникала снова возле батареи, где из соединения сочилась вода. Там к ней добавлялась вторая, почти незаметная линия. Расстояние между внешними краями составляло пятьдесят восемь сантиметров.

Галина остановилась.

— У наших хозяйственных платформ было шестьдесят по центрам. У багажных — семьдесят два. Эта уже.

— Насколько точно помните?

— Настолько, насколько помнят размер вещи, которой двадцать лет разбивали тебе щиколотки. Но измерим тележки, если они сохранились.

У хозяйственной перемычки след делал дугу. Внешняя линия стала темнее, внутренняя почти пропала. Семён положил уровень поперёк пола. Пузырёк ушёл к стене.

— Уклон. Грузёную платформу тянуло наружу поворота. Внешнее колесо прижалось сильнее.

— Почему грузёную? — спросила Вера.

Он не обиделся.

— Верно. Пустую тоже тянуло бы, только слабее. По старому следу нагрузку не вычислим.

Галина провела рулеткой от косяка до начала дуги.

— Но направление видно. Если катить из зала, здесь надо взять левее, потом резко вправо. Внешним станет это колесо. Если катить обратно — рисунок ляжет иначе.

Она взяла пустую пластиковую платформу рабочих, поставила её перед дверью и, не заезжая на полосу, показала манёвр. При движении от зала правое заднее колесо проходило именно по месту тёмной дуги. При обратном движении платформа срезала угол у противоположной стены.

— След причинно связан с маршрутом из зала в коридор, — сказала Вера, записывая формулировку. — Не просто заканчивается у двери: геометрия поворота совместима с движением внутрь.

— Совместима, — повторил Семён. — Хорошее слово. Никого не сажает, зато не врёт.

За перемычкой покрытие менялось снова. Старый линолеум сохранил вмятины, но не влагу. Через пять метров путь раздваивался: прямо — к приёмному коридору и механическим весам, налево — к кладовой списанного оборудования.

События датчиков уводили налево.

У кладовой Галина остановилась так резко, что Семён едва не наступил ей на пятку.

— Здесь ручка новая.

На выцветшем зелёном полотне блестела серебристая нажимная планка. Винты вокруг неё были свежими, без серой пыли в шлицах.

— По акту меняли после того, как дверь стала аварийным выходом, — сказал Кирилл, проверив ведомость на планшете. — Семь месяцев назад.

— А полотно оставили старое, — сказала Галина. — Разумная экономия: новую ручку поставить на дверь, которую собираются снести.

Семён осмотрел нижний край. На зелёной краске виднелась светлая дуга шириной с ноготь. Он приложил рулетку: нижняя точка была в четырнадцать сантиметров от пола.

— Бампер колеса или угол платформы.

— Свежесть?

— Края без пыли, но рабочие ходят здесь каждый день. Могли задеть вчера утром, ночью или пять минут назад.

Вера попросила не открывать дверь и сравнила событие с их положением. Контроллер показывал закрытое полотно. Кирилл нажал ручку, не толкая. В журнале контакт замка изменился, но геркон остался прежним. Когда Галина приоткрыла дверь на ладонь, появилось второе событие.

— Значит, ночные семь секунд — реальное открытие, не просто нажатие, — сказала Вера.

В кладовой пахло железом и пылью. Стеллажи были почти пусты; на одном лежали плафоны, на другом — коробки с табличками кабинетов. На полу четыре прямоугольника отличались цветом, словно стоявшие там предметы недавно сдвинули.

Галина сверилась с описью на двери.

— Здесь должны быть две платформы, лестница, стойка для канатов и контейнер с музейными мелочами. Лестница есть. Стойка есть. Контейнер вон. Платформ нет.

Кирилл открыл электронную ведомость перемещений. Обе тележки значились переданными подрядчику три недели назад.

— Подпись получателя?

— Электронная отметка «выдано по списку». Без номера пропуска.

— Значит, на вокзале их нет, — сказал Семён.

— Значит, по ведомости их здесь быть не должно, — поправила Галина. — Это разные учреждения.

У дальней стены Вера заметила тонкую чёрную крошку. Семён собрал несколько частиц на белую карточку. Резина была твёрдой и ломкой. Рядом лежала круглая шайба с налипшей серой нитью.

— От колеса? — спросил Кирилл.

— От множества вещей, — ответила Вера прежде Семёна. — Пока только крошка и шайба.

Галина тем временем изучала прямоугольники на полу. Два узких следа шли от них к боковой стене, но не к двери, через которую вошла группа. За стеллажом обнаружилась ещё одна створка, покрашенная в цвет стены. На схеме контроллеров её не было.

— Это куда? — спросил Кирилл.

— Раньше — в багажный тоннель, — сказала Галина. — Потом проход заложили, когда делали музейный склад.

Семён постучал костяшками. В верхней части звук был глухим, внизу — пустым. Он посветил в щель у порога. Сквозь неё тянуло холодом.

— Заложили не здесь.

Створка не имела ручки со стороны кладовой, только два утопленных кольца под плоский ключ. Корнеев такого ключа не выдал. Зато на нижнем кольце осталась светлая царапина, а на полу — две параллельные дуги, расстояние между которыми почти совпадало с полосами в коридоре.

Галина вынула из коробки старую латунную бирку и приложила её краем к кольцу. Бирка входила в паз, но не поворачивалась.

— Не пробуйте, — сказала Вера. — Сломаем вещь и получим очень убедительное доказательство собственной глупости.

Кирилл нашёл в архиве поэтажный план до перестройки. За створкой шёл короткий спуск в нижнюю галерею. Галерея соединялась не с приёмным коридором, как они предполагали, а со складом реквизита будущего вокзального музея в соседнем крыле. На нынешнем плане между ними стояла сплошная стена.

— Если проход действительно заложен, путь кончается через двенадцать метров, — сказал он.

— А если заложен только на плане? — спросил Семён.

Вера посмотрела на время. До рабочих оставалось девять минут. Без ключа и разрешения вскрывать створку они не могли. Но теперь дверь у третьей колонны перестала быть одиночной возможностью. Четыре датчика выстроились в последовательность, геометрия влажного следа показала движение от зала, а исчезнувшие из учёта платформы оставили форму на полу кладовой. Ни один из этих фактов не называл человека. Ни один не сообщал, лежали ли на тележке семнадцать килограммов, пустой чемодан или коробка с плафонами.

Зато маршрут больше не упирался в старую камеру хранения.

Вера сфотографировала скрытую створку, царапину на кольце и дуги на полу с масштабной линейкой. Затем продиктовала Кириллу запрос: акты перестройки нижней галереи, журнал выдачи плоских ключей, опись музейного склада и доступ к нему в присутствии Корнеева.

— И две платформы, — добавила Галина. — Нужны их заводские размеры и номера.

— Если номера ещё читаются, — сказал Семён.

— Номера читаются дольше людей. Просто их реже спрашивают.

За стеной что-то металлически стукнуло.

Все четверо замолчали.

Стук повторился — короткий, затем второй, с равным промежутком. Кирилл показал на потолок:

— Рабочие в соседнем крыле.

Галина покачала головой.

— Соседнее крыло начинается за складом реквизита. А прямо за этой створкой по старому плану — пустая галерея.

Вера не стала угадывать, кто или что издавало звук. Она поставила на листе новую точку маршрута и обвела её один раз.

Склад реквизита.

Теперь проверять предстояло не дверь, через которую кто-то исчез. Проверять предстояло место, куда вела тележка.

Глава 7. Имя на обороте

Билет лежал между двумя стёклами, как насекомое, которому ещё не успели дать название.

Семён поставил рамку на зелёное сукно и убрал руки. За ночь бумага не стала ни белее, ни понятнее. В левом углу темнел прокол старого компостера, на обороте изгибалась синяя дуга. Всё остальное по-прежнему можно было принять за грязь, потёртость или желание увидеть больше, чем сохранилось.

— Сразу договоримся, — сказал Семён. — Ничем не мажем, не греем, не парим над чайником и не проявляем картофельным соком. Особенно картофельным соком.

Галина сняла пальто и повесила его на спинку стула.

— У тебя был тяжёлый вечер в интернете?

— У меня был тяжёлый вечер с людьми, которые там советуют.

Они собрались в маленькой комнате архивного сектора. Кирилл выпросил её до десяти утра под видом разбора предметов для экспозиции. Это было почти правдой: за стеной музейные сотрудники подписывали коробки, и каждые несколько минут по коридору проезжала тележка. Колёса грохотали на стыке линолеума, заставляя всех четверых поднимать головы.

Вера пришла раньше остальных. На столе уже лежали лист регистрации, линейка, фонарик, две лупы и её телефон на штативе. Она записала время, состояние конверта и фамилии присутствующих. Потом перечеркнула слово «изъято» в заголовке формы и написала сверху: «найдено».

— Разница есть? — спросил Кирилл.

— Есть. Изымать имеет право не каждый, кто нашёл чистый бланк.

— Он не чистый.

— Поэтому мы здесь.

Семён осмотрел края конверта, сверил подписи и только тогда вынул билет пинцетом. На прямом белом свете синяя дуга выглядела частью круглого штампа. Она начиналась у нижнего края и исчезала под сероватой полосой, где бумагу когда-то тёрли пальцем или ластиком.

— Вчера вы сказали, что там могла быть надпись, — напомнила Галина.

— Могла. Или волокна легли так, что мозг собирает буквы. Он это любит.

— Мой мозг с утра ещё ничего не любит.

Семён не ответил. Он выключил верхний свет и направил фонарь почти вдоль стола. Бумажные волокна поднялись тенями. Синяя линия стала толще, зато над ней проступили неглубокие бороздки — несколько прямых, одна косая, потом длинная дуга.

Кирилл придвинулся.

— Похоже на «В».

— Похожесть запишем после съёмки, — сказала Вера. — До неё это только вдавленные линии.

Они сделали кадры при четырёх направлениях света. Семён каждый раз передвигал фонарь, не касаясь рамки, а Вера называла угол и номер снимка. На третьем изображении штрихи сложились в начало слова. На четвёртом снова рассыпались.

Галина посмотрела на экран и нахмурилась.

— Там не ручкой писали. Давили сверху.

— Возможно, — сказал Семён. — Если на билете лежал другой лист и писали на нём, нижний получил рельеф без красителя. Но бороздки могут быть от чего угодно.

— От списка?

— От записки, квитанции, детского рисунка. Сначала надо понять, есть ли последовательные знаки.

Кирилл открыл на ноутбуке снимки и перевёл их в оттенки серого. Повысил контраст — вместе с линиями выступила сетка бумажных волокон. Добавил резкость — края превратились в чёрные ореолы.

— Верни, — сказала Вера.

— Я только пробую.

— Пробуй на копии и сохраняй исходник рядом. Иначе через час будем помнить улучшенную картинку как то, что действительно было на бумаге.

Он молча создал отдельную папку. В названии появилось слово «обработка», дата и номер кадра.

Семён положил рядом прозрачный лист и на нём отметил только те бороздки, которые повторялись минимум на двух фотографиях. Получились восемь групп. Первая напоминала печатную «В», две следующие можно было прочесть как «Е» и «Р». Четвёртая оставалась спорной: прямая с едва заметной поперечной чертой. Дальше шли округлые следы, острый угол и длинный завершающий росчерк.

— «Вересков», — прочитал Кирилл.

Слово прозвучало слишком громко.

За стеной перестали перекладывать коробки. Через секунду работа возобновилась, но уже тише.

Вера закрыла дверь.

— Мы не называем фамилию в коридоре.

— Её уже называли в записи на весь зал.

— Ночью, когда зал был закрыт. А мы пока не знаем, кого предупреждаем, если начинаем повторять её днём.

Кирилл откинулся на спинку стула.

— Вы сейчас рассуждаете так, будто за билетом охотятся.

— Я рассуждаю так, будто у нас исчез файл, журнал открывали из кабинета Лаврова, а в кладовой есть дверь, которой нет на плане. Этого достаточно, чтобы не устраивать переключку.

Семён поднял прозрачный лист.

— И всё равно у нас пока не фамилия. У нас восемь групп вдавленных линий, семь из которых допускают чтение «Вересков». Четвёртая слабая.

— Какая буква там должна быть? — спросила Галина.

— «Е».

— И что вместо неё?

— Всё что угодно с вертикальной чертой. «Г», «П», край таблицы.

Вера достала блокнот, куда в первую ночь записала фразу объявления. «Пассажир Вересков, следующий рейсом семьсот сорок два...» Тогда фамилию подтвердил Кирилл. Теперь она лежала перед ними второй раз — не голосом, а рельефом на бумаге.

Независимость улики была неполной. Тот, кто сделал запись, мог держать этот билет. Тот, кто продавал надпись, мог слышать запись. Но случайным совпадением фамилия уже не выглядела.

— Проверим синюю дугу, — сказала Вера. — Она может дать положение текста.

Семён сменил белый фонарь на маленький источник с узкой синей полосой. Сначала светил через защитное стекло, затем снял билет только после новой записи в листе. Под одним углом дуга исчезла почти полностью, под другим рядом с ней возникли две бледные точки и обрывок вертикали.

— Штемпельная краска, — предположил Кирилл.

— Синяя краска, — поправил Семён. — Состав без анализа не назовём.

Галина вытащила из принесённой папки старую ведомость приёмного коридора. На её листах стояли круглые синие штампы: название вокзала по краю, дата в центре, номер смены снизу.

— Размер похож, — сказала она. — Но дуга на билете выгнута не туда.

Она не приложила документ к находке, а сфотографировала штамп рядом с линейкой. Кирилл наложил окружность того же диаметра на снимок билета. Синяя дуга оказалась частью круга почти вдвое меньше.

— Не наш штамп, — сказал он.

— Не этот тип штампа, — сказала Вера.

Семён повернул изображение. Две точки легли на одну линию с вертикальным обрывком. Если дорисовать окружность, внутри могло поместиться короткое слово или число.

— А если это не круглая печать? — спросила Галина. — На старых бирках номер обводили от руки. Синим карандашом.

Она нашла в папке фотографию бирки №17. Вокруг номера действительно шёл неровный овал. Нажим менялся на поворотах, волокна бумаги были продавлены сильнее там, где карандаш задерживался.

На билете дуга тоже была неровной.

Семён посмотрел на неё под лупой.

— Здесь краситель лежит в углублении, а не сверху на смятых волокнах. Мог быть карандаш. Могла быть копировальная бумага. Возраст по виду не установим.

— Но надпись и дуга находятся с одной стороны, — сказал Кирилл. — Значит, кто-то написал фамилию и обвёл её.

— Нет, — одновременно ответили Вера и Семён.

Галина усмехнулась.

— Поздравляю. У клуба появился хор.

Вера указала на экран.

— Рельеф мог перейти с верхнего листа, а дуга нанесена прямо на билет. Это два разных действия, пока не доказано обратное.

— И в разное время, — добавил Семён. — Хотя с разницей в десять лет.

Кирилл закрыл рот, но раздражение осталось у него в лице. Он уже видел фамилию и не понимал, почему остальные отказываются взять то, что лежит перед глазами.

— Хорошо. Что вы считаете доказанным?

Вера продиктовала медленно:

— На обороте билета есть последовательность вдавленных штрихов. При косом освещении семь групп устойчиво совместимы с буквами фамилии «Вересков», одна группа читается неоднозначно. Чтение совпадает с фамилией из ночного объявления. Синяя дуга нанесена непосредственно на билет, её связь с надписью и время нанесения не установлены.

— Звучит так, будто мы нашли инструкцию к пылесосу.

— Зато через неделю она не изменится от нашего настроения.

В коридоре остановилась тележка. Кто-то постучал два раза.

Кирилл захлопнул ноутбук раньше, чем Вера успела ответить. Семён накрыл рамку листом серого картона. Галина осталась сидеть, только развернула ведомость штампом вниз.

В комнату заглянула Марина Олеговна, заведующая будущей экспозицией. На шее у неё висели три пары очков на разноцветных шнурках, и ни одной она сейчас не пользовалась.

— Кирилл, Корнеев вас ищет. Из-за доступа в реквизиторскую. Лавров отозвал согласование.

— На каком основании?

— Аварийные работы. В нижней галерее якобы нашли воду.

Галина посмотрела на Веру. Металлический стук за створкой сразу перестал быть утренней странностью.

— Когда нашли? — спросила Вера.

Марина Олеговна впервые заметила, что вопрос задал не сотрудник.

— Сегодня до открытия. Так написано в письме. Склад закрывают вместе с галереей.

— А музейные предметы?

— Вот именно. У меня там половина будущего зала, а меня поставили в копию после подрядчика. — Она повернулась к Кириллу. — Корнеев ждёт в службе безопасности. И просил привести всех, кто был утром у кладовой.

Когда дверь закрылась, Семён снял картон.

— Быстро вода пришла.

— Вода иногда приходит быстро, — сказала Вера. — Особенно если лопнула труба.

— И согласование отзывает лично Лавров, — добавила Галина.

— Это уже не свойство воды.

Они упаковали билет. Исходные снимки Кирилл скопировал на отдельный служебный носитель, контрольные суммы записал в лист регистрации. Вера оставила себе только номера файлов и формулировку наблюдения. Фотографии находки нельзя было разносить по личным телефонам, пока они не понимали, чей предмет и какое расследование вообще ведут.

Корнеев ждал их в комнате без окон. На столе перед ним лежала распечатка запроса Веры, испещрённая красными пометками. Рядом сидел высокий мужчина в рабочей куртке с эмблемой подрядчика. Он не представился и смотрел не на людей, а на конверт в руках Семёна.

— Это что? — спросил Корнеев.

— Билет, найденный под скамьёй в закрытом зале, — ответила Вера.

— Почему он у вас?

— Потому что после сообщения вашему дежурному никто не оформил приём. Вот журнал звонков, время и фамилия сотрудника.

Корнеев прочитал первую строку, перевернул лист экраном вниз и снова посмотрел на конверт.

— Оставьте здесь.

— По акту, — сказал Семён. — С описанием состояния и приложением фотографий упаковки.

Мужчина в рабочей куртке усмехнулся.

— Вы что, полиция?

— Нет, — сказал Семён. — Поэтому и не делаем вид, что можем брать чужие вещи без бумаги.

Корнеев потёр переносицу.

— Это начальник участка Белов. Он отвечает за аварийные работы в галерее. Никакого осмотра склада сегодня не будет. Там опасно.

— Что именно произошло? — спросила Галина.

— Подтопление.

— Откуда вода?

Белов наконец перевёл взгляд на неё.

— Из трубы.

— Какой?

— Хозяйственной.

— Подача или обратка? Диаметр? Где перекрыли?

— Женщина, вам схему узла показать?

Галина сложила руки на груди.

— Если хотите убедить меня, что за ночь в сухой галерее случилась авария, начните хотя бы с того, что там есть труба.

Корнеев поднял ладонь.

— Довольно. Есть акт утреннего обхода.

— Можно увидеть? — спросила Вера.

— Нет.

— Тогда мы не будем спорить с актом, которого не видели. Нам нужен не тоннель, а склад реквизита. В него есть вход из соседнего крыла.

Белов качнул головой.

— Склад в зоне работ.

— По действующему плану между складом и галереей стена.

На этот раз мужчина посмотрел на неё слишком быстро.

— И что?

— Если стена сплошная, подтопление галереи не делает склад опасным. Если проход открыт, действующий план неверен и музейные сотрудники должны знать о дополнительном доступе к ценностям.

Корнеев отодвинул распечатку. Красные пометки на полях оказались не возражениями, а фамилиями тех, кому он звонил.

— Вера Андреевна, вы понимаете, что мешаете подготовке объекта?

— Понимаю. Поэтому предлагаю короткую проверку в вашем присутствии: войти через музейное крыло, не открывать створку в галерею, зафиксировать состояние склада и выйти. Если склад действительно относится к опасной зоне, Белов покажет границу и основание.

— А если я откажу?

— Марина Олеговна письменно запросит доступ к предметам, за которые отвечает. Вы письменно подтвердите, что безопасность этих предметов обеспечена при неизвестном ей дополнительном входе. Мы подождём.

Семён повернул к себе лист регистрации билета, будто разговор уже закончился. Кирилл смотрел в стол. Только Галина не скрывала удовольствия.

Корнеев перевёл взгляд на Белова.

— Стена там есть?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.